

КТО-НИБУДЬ НАМ ЧТО-ТО ОБЕЩАЛ КОГДА-ТО? ТОГДА ПОЧЕМУ ЖЕ МЫ ЖДЁМ?

Духовные упражнения для студентов
Общение и Освобождени

Римини, Декабрь 2012

Введение Хулиан Каррон

7 декабря, вечер

Ожидание – это слово, которое определяет каждого из нас. Именно это ожидание привело нас сюда, иначе мы бы не приехали. Но в то же время мы знаем сколько наших забот мешают этому ожиданию, сколько вещей отвлекают нас от него, от себя самих, от самой глубокой истины внутри нас.

Поэтому, с сознанием нашей слабости и хрупкости, попросим Святого Духа, чтобы Он сделал нас самими собой, то есть теми, кем мы на самом деле являемся: бесконечным ожиданием нашего свершения.

Discendi Santo Spirito
*Ballata dell'uomo vecchio*¹

Приветствую каждого из вас, приехавших из Аргентины, Австрии, Бельгии, России, Словении, Испании, Швейцарии, Уганды, и, конечно из Италии, приехавших с криком, как в песне, которую мы только что спели, ведь чем больше живём, тем больше понимаем, что больше всего нуждаемся в том, чтобы ожидание не имело границ.

Именно поэтому название, которое мы выбрали для этих Упражнений никого не оставило равнодушным. Каждый услышал в нём некий вызов, поскольку оно задевает потайные струны, скрытые в каждой душе. Как сказала одна наша подруга: «Когда я узнала каким будет название Упражнений, я немного испугалась, оно совсем не тривиальное: «Кто-нибудь нам что-то обещал когда-то? но почему же мы ждём?». Для меня в этом названии не только один вопрос, оно содержит другой: жду ли я чего-то? Жду ли я чего-то или нет? Приходится ли мне уделять время ожиданию в жизни, наполненной заботами, или я живу в ожидании? Потому что между этими ответами огромная разница. Ведь если я ищу только когда я свободна от всего остального, это значит, что я не люблю, потому что когда ты влюблён, образ любимого видится во всем, что ты делаешь. Если я живу в ожидании, то мое сердце не до конца закрыто, чтобы в любых обстоятельствах, в том числе и сейчас, оставалась возможность для Присутствия, которое я жду, войти в него. Во мне постоянно, каждый день, борются эти две позиции.

1. Это желание определяет нашу суть, и поэтические гении выражали ее

¹ C. Chieffo, «Ballata dell'uomo vecchio», in *Canti*, Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo, Milano 2007, p. 216.

исключительным образом: «Скованный смертными вещами (даже звездное небо конечно), почему же я страстно желаю Бога?»² – вопрошает Унгаретти. Почему я страстно желаю? Пусть слово «Бог» не отвлекает сейчас вашего внимания. Почему я так страстно желаю? Почему этот крик и эта необходимость столь безотлагательны? Я страстно желаю. Страстно желать – это значит желать чего-то сильно, почти непреодолимо. Удивительно то, что мы, несмотря на то, что стеснены среди смертных и эфемерных вещей, имеем столь сильное, бесконечное желание. Особенно остро мы осознаём это в определённых жизненных ситуациях.

«Отвечая на вызов, брошенный названием упражнений я не мог обойти то, что произошло в моей жизни в последнее время: смерть папы нашего туринского друга Стефано. Это стало первым из череды невероятных событий, после которых я с удивительной лёгкостью признал присутствие Другого: в свидетельстве жены, детей, в улучшении отношений, в нашем единстве. И я осознал, насколько господство культуры, власти, о которой ты часто говоришь нам, влияет на самосознание нашего сердца, потому что в эти дни я заново открыл из чего создана структура моего сердца. Мое сердце – это ожидание. Эти события снова открыли рану, которая является природой сердца, снова пробудили во всех нас потребность смысла, счастья и истины, о которых говорится в «Религиозном чувстве». Опыт этих дней ясно показал мне, что моё желание столь сильно потому, что есть такое же могучее Присутствие, которое отвечает моему желанию, а оно в свою очередь побуждает меня к действию и превращается в вопрос». Мы не в состоянии ответить на это желание, на это ожидание. Но суть в том, что оно часто «похоронено» внутри нас и тогда что-то должно произойти, чтобы оно воскресло во всей своей силе, пример чего мы сейчас прочитали. Или как это случилось в истории, которую мне недавно рассказали за ужином: внезапная смерть мамы одной нашей подруги, которая из-за этого не смогла приехать на Упражнения, научила серьёзно относиться к жизни, как быть вместе, такому взгляду на вещи, благодаря которому мы становимся самими собой. Это значит, что ожидание, о котором мы говорим, не очевидно – оно встречает самые разнообразные препятствия на своем пути.

2. Рильке очень точно описал попытки препятствовать этому ожиданию – ими полон мир в котором мы живём: «И все сговорились, как будто, замалчивать нас, /не то, как позор, не то, как проблеск надежды»³. Всё препятствует ожиданию, всё скрывает и заставляет его замолчать, даже среди нас, повседневности, в ежедневной рассеянности, этот заговор словно касается всех нас и во многих обстоятельствах. Кто из нас сможет противостоять этому болезненному и реальному признанию?

Один из вас написал мне следующее: «Я хочу рассказать о том, что происходит со мной. Я ухожу из университета, потому что чувствую себя не в своей тарелке – последний раз я чувствовал себя так на первом курсе. Я абсолютно не чувствую удовлетворения, более того, я погас. Я осознаю, что с тех пор как я проснулся я сделал именно то, что было в распорядке моего дня, я изучал то, что мне нравится, ходил на лекции, которые мне интересны, но чувство внутренней пустоты осталось. Правда в том, что я не доволен тем, как я прожил сегодняшний день, что я не хочу спать и что в общем день закончился и

2 Д. Унгаретти, «Проклятие», *Жизнь человека. Все стихи*, Mondadori, Милан 1992, p. 35.

3 Р. М. Рильке, «Вторая Элегия», ст. 42-44, *Дунайские элегии* Einaudi, Torino 1968, стр. 13.

ничего не случилось. Очевидно, что я не делаю и не познаю То, что меня наполняет, а пока оно случается, не случится ничего. Правда в том, что я чего-то жду».

Жду, даже когда я погас. А вот что пишет другой друг – он описывает борьбу, которая может быть в каждом из нас: «Весь первый курс я проучился, отвергая всё, что мне предлагало движение и, вообще, реальность. За этим «нет» скрывался целый ряд предвзятых суждений, которые главным образом рождалась от того, что я сравнивал опыт в университетской общине и опыт, приобретённый до этого в движении. Я подпитывал себя этими предрассудками и претензиями, создавая на их основе поверхностно разумные суждения, которые позволяли мне выживать и защищаться от тысячи брошенных мне вызовов. Это непрерывное «нет» свело к минимуму вопросы о жизни, мои потребности и желания. Я больше ничего не ждал от реальности. Проведя много лет в движении, я воспитал в себе мещанскую позицию по отношению к нему и к жизни, потому что я уже всё знал, мне ничего не нужно было просить. Даже опыт движения я свел к «интеллектуальной дискуссии», к «представлению о жизни и о Боге», я исключил гипотезу о том, что это место для меня, и что оно было дано мне для моего созревания, более того, община стала местом, направленным против меня. Так я начал второй курс, я был растерян и потерян, я не знал, почему я всё ещё там и по какой нелепой причине до сих пор не бросил всё. А потом случилось то, чего я не мог предвидеть. Однажды вечером, когда мы с другом пили пиво, я решил высказать ему все свои претензии и сомнения по поводу движения. Я не жаловался и не хотел сделать из него виновника моего недовольства – я просто хотел понять, почему от всеобъемлющего опыта движения, который был у меня до университета, я пришёл к отчуждению, к фактическому несогласию со всем, что предлагало движение. На его сухие и спорные вопросы мне приходилось находить отговорки и оправдания, чтобы не отвечать, обходить проблему, думать, что он не совсем понял, что я хотел сказать, и что он недостаточно знал меня, чтобы понять в чём моя проблема. А он понял, и даже слишком хорошо понял меня. Я запомнил вопрос, который он продолжал задавать мне, и на который я старался не отвечать: «А что ищешь ты?». Я не отвечал, потому что с высоты своего высокомерия и гордости я думал, что после стольких лет в движении не на этот основополагающий вопрос, который я уже считал пройденным этапом, мне следовало отвечать. Чем больше я думал что друг не понимает суть моих проблем, тем больше я избегал этого вопроса и отвечал на другие, потому что это «что ты ищешь?» мешало. Он просто говорил правду в лицо и то упорство, с которым он это делал, раздражало меня и вынуждало меня понять что я ищу и что нужно, чтобы найти. В какой-то момент я сдался, у меня больше не было сил бороться с порывом истины, он был слишком силен».

Какая из позиций верна? Позиция Унгаретти с его «почему я страстно желаю?» или описанная Рильке «всё пособничает». Ожидание или пособничество? С одной стороны то, что мы желаем, то что поражает нас в самих себе, а с другой стороны пособничество, которое мы замечаем в нас, вокруг нас и в котором сами участвуем. Кто прав? Суть здесь не в расстановке сил, не в чувствах или мнениях, суть не в разнице мнений, суть в истине: кто прав?

3. И вот третий пункт пронизанный темой наших Упражнений: «Как велика мысль, что действительно *нет ничего, что было бы должным* для нас. Кто-нибудь нам что-то обещал когда-то? Тогда почему же мы ждём?»⁴ Почему ожидание является более истинным, чем заговор против него? Потому что ничто, как мы видели, не может отнять его у нас, даже если будет погребено под тысячей отвлечений, предрассудков, и возражений. Почему мы продолжаем ждать? Этот вопрос Павезе мы унесем с собой в могилу: «Тогда почему же мы ждём?». Пусть скажет тот, кто сможет возразить на этот вопрос. Высшее проявление дружбы одного человека по отношению к другому это возможность задать этот настоящий вопрос: «Кто-нибудь на что-то обещал когда-то? Тогда почему же мы ждём?» В ожидании проявляется структура нашей души, её сущность. Мы ждём потому что в самом начале – обещание, обещание – это источник нашего созидания, того, как мы созданы. Сотворивший человека, сотворил его обетованием. И мы знаем это именно потому, что находимся в ожидании.

«По своей структуре человек ожидает; по своей структуре он просящий; жизнь по своей структуре — обетование»⁵ – напоминает нам Джуссани. Мы можем делать и говорить что угодно: пытаться отвлечься всеми известными способами, потворствовать заговорам, которые окружают это ожидание, каждый может добавить все известные ему методы, чтобы избежать его, и даже будучи вместе у нас может не хватить смелости взглянуть на него. Но мы не можем избавиться от этого ожидания, потому что оно составляет структуру нашего нашей природы. Не мы его туда заложили и мы не можем избавиться от него, оно не зависит от нас, мы ничего не можем с ним сделать. Да, мы можем потакать или противостоять ему, любить или ненавидеть и это именно тот выбор, который встаёт перед каждым из нас каждый день.

Жажду, потому что суть моего «я» – это ожидание, а если в основе человека лежит ожидание, то самая ужасная вещь, которую он может сделать, противостоя этой сущности – не ждать ничего. Как писал Павезе: «Ждать - еще одно занятие. Ужасно не ждать ничего»⁶. Ждать это драма, но не ждать ничего – трагедия. И действительно альтернатива ожиданию – скука. Об этом хорошо сказал Бланшо: "Разложение ожидания – это скука"⁷

Но это ожидание столь сильно, что, как пишет Пруст: «сознание безнадежности не мешает нам ожидать»⁸. Это ожидание столь неотъемлемо от нашей структуры, настолько характеризует каждую клеточку нашего бытия, что мы не можем не ждать. Как сказал Рильке: «Не ты ли был вечно весь в ожидании, словно тебе все сулило возлюбленную?». И человек, будучи «весь в ожидании» удивляется. Как влюблённый: «О чём ты думаешь? Как думаешь, о чём ты думаешь?». «Весь в ожидании, словно тебе все сулило возлюбленную»⁹.

И писатели и музыканты поднимают одну и ту же тему – это мы увидели на выставке рок-н-ролла, которая прошла на Митинге в этом году. Например вот строчки из песни британской группы Coldplay: «Я не знаю куда я иду, я не знаю по какой дороге я

4 Ч. Павезе, *Жизнь как ремесло*, Einaudi, Torino 1973, p. 276.

5 Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, Москва, Христианская Россия, 62

6 Ч. Павезе, *Жизнь как ремесло*, стр. 292.

7 М. Бланшо, *Ожидание забвение*, Guanda, Милан 1978, стр. 53.

8 М. Пруст, *В поисках утраченного времени*, т. II, *Под сенью девушек в цвету*, Виг, Милан 2006, стр. 272..

9 Р. М. Рильке, «Первая Элегия», *Дунайские элегии*, стр. 5.

пришёл, возьми мою голову в свои руки, мне нужен кто-нибудь, кто бы понял, мне нужен кто-нибудь, кто бы слушал. Все эти годы я ждал тебя и ждал бы тебя до второго пришествия, до того, как наступит мой день. Скажи, что ты придёшь и освободишь меня. Просто скажи что ты будешь ждать меня»¹⁰. И в этой песне главный мотив – мотив ожидания, как и в той, что мы спели в начале встречи.

Это ожидание засвидетельствовали самые разные люди, и они помогают нам тем или иным образом почувствовать то, что затрагивает наше существо, то, что нас определяет. Послушаем стихи Реборы: «Из натянутого образа/ смотрю на мгновение / в неизбежном ожидании». Мгновение. Что это? Достаточно на минуту остановиться, чтобы осознать насколько это ожидание определяет наше настоящее мгновение. «И не жду никого:/в горячей тени/ я слежу за звонком/ что незаметно рассыпает/звуков пылью – /И не жду никого:/Между четырёх стен/ изумлённых пустынностью/пространства вокруг/ Я не жду никого [не жду чего-то конкретного, потому ничто не может утолить этой жажды]: Но он должен прийти, / Он придёт если выдержу/ Как цветок незаметно родясь./ Он внезапно придёт./ Когда меньше всего я буду его ждать/ Он придёт, извиняясь/ за столь долгое ожидание/ Придёт, чтоб я поверил/ в наше с ним сокровище./Он будет отдыхом/ от моих и его мук/Придёт и кажется я уже слышу/Его шёпот.¹¹ Он придёт.

Чтобы быть готовыми к этому приходу, начнем эти дни, прося об ожидании. Попросим об этом ожидания, попросим чтобы мы признали его, чтобы стать сами собой, чтобы совпасть с нашим внутренним «я», чтобы открыться для ответа при помощи строк, которые мы пропели: «Послушай меня, останься здесь, повтори мне то слово, что однажды ты сказал мне и которое освободило меня»¹². Мы можем быть уверены, что он придёт, как сказал Папа: «Бог никогда не устает искать нас, Он верен человеку, которого сотворил и искупил. Он остается близким нашей жизни, потому что любит нас. Именно эта уверенность должна сопровождать нас каждый день»¹³.

Как сказала наша подруга: «Когда я первый раз услышала название этих упражнений, я практически потеряла дар речи. Оно настолько поразило мое сердце, что стало даже немного страшно. Я сделала я вид, что ничего не произошло, и удовольствовалась тем, что просто записалась на эти Упражнения, я была уверена, что твои слова как-нибудь просветили бы меня. Но каждый раз, когда я слышала название моё сердце начинало трепетать, и я поняла почему: я не могу и не хочу ничего изображать перед вопросом Павезе – я должна ответить, почему я жду. Вопрос столь же радикален, как и события, произошедшие со мной в последние месяцы. Пару месяцев назад я была парализована своими страхами и постоянными неудачами. Я не умела любить себя, мне было неинтересна моя учеба, мне было сложно учиться, я не умела любить своего парня, друзей. Кроме этого я была раздавлена постоянной тревогой. Но вот однажды один мой друг начал смотреть на меня по-другому, он любил меня такой, какая я есть, и в то же время он свободно бросал мне вызов с такой страстью к моей судьбе, которую я никогда не встречала. Я была желанна. Именно этот взгляд начал постепенно менять меня. Раньше все основания верить, что в моей жизни есть смысл и что Бог создал меня и создал хорошо,

10 Coldplay, «'Til Kingdom Come», альбом X&Y, Capitol Records, (2005).

11 К. Ребора, «Из натянутого образа», *Стихи*, Garzanti, Милан 1988, стр. 151.

12 Claudio Chieffo, «Ballata dell'amore vecchio», *Песенник*, op. cit., стр. 166

13 Бенедикт XVI, *Общая аудиенция*, 14 ноября 2012.

были лишь словами, и чем больше я их повторяла, тем больше они казались мне старыми, устаревшими, но когда мой друг начал смотреть на меня по-другому всё изменилось. Эти слова обрели плоть, я уже не могла не обращать внимания на его взгляд, не могла учиться и не желать такой же любви во взгляде, как у него, не могла смотреть на моего парня без желания любить его таким, какой он есть, потому что он есть, и тот крест, который был таким тяжелым, стал моим лучшим оружием. Я бы солгала, если бы сказала тебе, что предпочла бы жить спокойно, как все остальные, но я не солгу, если скажу, что теперь я уверена: Бог не ошибся, когда создал меня. Весь труд и путь пройденный за эти месяцы я смогла сделать потому что я начала смотреть на всю себя целиком [Вот в чём проблема – осмотреть на себя целиком]. Мое ежедневное обращение заключается в том, чтобы погружаться в каждую вещь каждый день, исходя из того, кем я являюсь, вся, целиком. Я больше не могу позволить себе смотреть на вещи и дни, не исходя из себя. Я являюсь тем первым местом, в котором происходит Тайна, и именно поэтому я могу смотреть на себя так. Жизнь стала настоящей драмой, потому что я поняла, как я нуждаюсь в том, чтобы Тайна происходила, открывая истину и показывая мне саму себя. Мне нужно только это, и только это меня спасает. Тайна, происходящее во мне, - это основание моей надежды, только она, и ничего другого».

Попросим, чтобы эта Тайна произошла в эти дни.

Лекция Хулиана Каррона

8 декабря, утро

«Название Упражнений этого года бросило мне вызов – пишет одна из вас. Я могла принять это вызов как что-то само собой разумеющееся, я склонялась к тому, чтобы проигнорировать своё стремление к этому жесту, тем более, что ради него мне пришлось бы пропустить лекцию с обязательным посещением. Но название Упражнений развеяли все мои сомнения: куда я иду, и на что мне нужно то, что не имеет пределов? Я рискую (и со мной это часто случается) делать всё и ничего. Я еще раз увидела красоту этого названия на одном собрании, на котором говорилось, как фраза Павезе связана с привязанностью к себе. И я хочу до конца понять это». Зачем нужно то, что я делаю, если у него нет пределов? При чём здесь эта привязанность к себе? Это первый пункт Упражнений: привязанность к себе.

1. Привязанность к себе

Отец Джуссани говорит что «привязанность к себе – это влечение, полное уважения, сострадания, милосердия, направленное на нас самих [...]. Как будто ты испытываешь к себе то же чувство, которое испытывала мама к тебе, особенно, когда ты был ребёнком».

Представим себе ту нежность, с которой мама держит на руках новорождённого, растроганная от того, что он есть, она осознаёт все то желание счастья, которое откроется в нем, благодаря той великой судьбе, к которой он призван. Если в нас нет немного этой нежности, этой привязанности к самим себе, то нам «как будто не хватает площадки для

строительства».¹⁴

Мы все знаем, что эта привязанность, не достигается нами с легкостью, ведь часто в реальной жизни, вместо того, чтобы относиться к себе с нежностью, мы жестоки, строги и суровы к самим себе. Вместо привязанности господствуют жалобы и упреки. Нежность к себе не может быть само собой разумеющейся. Достаточно вспомнить, когда каждый из вас смотрел на себя с этой нежностью, и сколько раз – с той суровостью, тем ожесточением и отсутствием жалости, из-за которых хотелось практически отвернуться от самих себя.

Чтобы помочь нам понять, как зарождается эта нежность, отец Джуссани просит обратить внимание на феномен нашего развития, когда это развитие происходит: «В психологической истории личности источником способности к привязанности является личность, признанная вплоть до принятия и объятия»¹⁵. Твоя привязанность просыпается, когда ты признаёшь и приглашаешь того, кто стоит перед тобой. Представим себе ребёнка: источник привязанности, то есть то, что пробуждает в нём привязанность, - это присутствие матери. Его привязанность может проявить себя в ответ на мамину улыбку, её заботу, любовь и её присутствие. И оно так важно для ребёнка, что, если его нет, источник привязанности иссыхает, потому что ребёнок не может дать сам себе эту способность привязанности. Именно поэтому ребенок привязывается в первую очередь к маме, а не к себе. Привязанность ребенка развивается в этом добром, положительном присутствии. Чтобы объяснить что-то Тайна не объясняет, не проводит ребёнку лекцию о том, что такое привязанность к себе, а делает так, чтобы это что-то с ним произошло. Поэтому сначала ребёнок чувствует привязанность мамы, прилепляется к ней, а потом, постепенно, начинает привязываться к себе, пробуждать в себе способность привязываться.

Отец Джуссани напоминает нам, что, в определенный момент, «этого природного знака», то есть мамы, начинает «не хватать»¹⁶ (мы все знаем это из опыта). Это происходит не потому, что мама изменила своё отношение к нам, или потому что это отношение исчезло. Всё как раньше, но в определенный момент её присутствия начинает не хватать. Почему? Потому что каждый из нас достиг юности и наше бытие как будто расширилось, начинает проявляться наше истинное лицо, вся мощь нашей судьбы, все величие нашего желания, и это присутствие кажется маленьким, по сравнению со всем тем, чего мы желаем, его уже не хватает. Как мы это осознаём? Вновь не потому, что кто-то это объясняет нам это. Отец Джуссани напоминает, что человек начинает осознавать это, потому что начинает чувствовать смятение, нехватку привязанности, которой раньше хватало, а теперь – нет. «Тогда человек чувствует себя неуютно, потерянно»¹⁷. Эта привязанность была столь значимой раньше, что молодой человек теряется из-за нехватки привязанности, сопоставимой с его сегодняшними потребностями. Тогда он спрашивает себя: почему, если всё по-прежнему, если мама и папа не изменили своего отношения ко мне, я чувствую смятение и потерянность, почему ничто меня больше не устраивает?

14 Л. Джуссани, *Люди без родины (1982-1983)*, Виг, Милан 2008, стр. 291

15 Л. Джуссани, «Настало время личности», под ред. Л. Чиони, *Litterae Communionis CL*, п. 1, январь 1977, стр. 12.

16 См. выше

17 См. выше

Если мы не понимаем, что случилось, в нас побеждает растерянность, и смятение, в этом смятении мы начинаем искать заполнения пустоты всем возможными способами, как сказала мне одна ученица: «В последнее время я часто чувствую некий дисбаланс в том, что я делаю. Каждый раз, когда я делаю то, что мне нравится (будь то вечеринка с друзьями или игра в волейбол), я чувствую, что мне чего-то не хватает, что это не удовлетворяет меня. Тогда я с головой погружаюсь в водоворот дел, но от этого крик только усиливается, поэтому я хочу попросить помощи, чтобы вынести суждение об этой ситуации, чтобы не убегать от нее». Что произойдет если мы не поймем, что случилось в определенный момент нашей жизни в процессе развития и убежим в укрытия, погружаясь в водоворот дел? Вместо того, чтобы решить проблему, мы её усугубляем; и, так как нам всегда кажется, что мы мало делаем, мы начнем делать больше, и так до истощения, но итог один: вместо того, чтобы разрешить проблему, мы усиливаем крик, чувство пустоты. Эта девочка поняла, что погружение в водоворот дел не решает проблем. Необходимо понять, что открылось в определённый момент нашей жизни, полностью осознать самих себя, понять до конца, что с нами происходит. Иначе мы не решаем проблему, а просто умножаем ее. Вот почему мы сказали, что необходимо самосознание. Это проблема самосознания.

Что такое самосознание? «Это чёткое восприятие себя, полное любви и осознания собственной судьбы и следовательно способное по-настоящему привязаться к себе»¹⁸

Мы можем быть привязаны к себе только полностью понимая, кто мы. Итак, что произошло? В определённый момент нашего развития проявилась конечная структура нашего «я». Наша сущность – желание и ожидание – стали осознанными. Почему эта девочка поняла, что ничто не заполнит её пустоту? Потому что в её сердце полностью раскрылось ожидание, умение исполнять, для которого мы созданы; стало очевидным величие нашей судьбы. И тогда человек понимает, что «Это время Другого (с большой буквы Д), истинного, постоянного, из которого мы состоим, это время неумолимого, невыразимого, безликого присутствия»¹⁹ Если мы это не поймем, то заменим родителей чем-то другим, так и не поняв, что, благодаря этому развитию, стало очевидно кто мы, что мы созданы для Другого. Если мы это не поймем, то не преодолеем «подростковый возраст», не сделаем шаг в сторону узнавания Другого, невыразимого Другого, которого мы пока не знаем. Безликого другого, к которому, тем не менее, постоянно стремлюсь я и вся моя сущность. Без этого «подростковый возраст» кажется, не закончиться никогда.

Отец Джуссани как друг помогает прочесть, понять и вынести суждение об этом: «Юность это время Ты [с большой буквы «Т»], когда твоё сердце углубляется [...], как бездна, это время Бога»²⁰ Не признавая это «Ты», этого Другого, для которого создана жизнь, невозможно испытывать к себе нежность или привязанность, всё заканчивается тем, что ты ещё больше запутываешься и совершаешь всё больше ошибок. В юности пульсация нашего желания должны дать понять нам, что в жизни требуется Тайна, что мы созданы для великой и тайной цели: «Ты постигаешь себя в определенной динамике, в

18 *См. выше*

19 *См. выше*

20 *См. выше*

необратимом толчке к бесконечной цели, которую ты не достигаешь до конца, но которая является идеалом счастья, истины, справедливости, красоты, всего хорошего, чьих берегов нельзя коснуться. И этот мощный толчок не даёт покоя, но ведёт к неведомой цели, к некому берегу, который находится за горизонтом того, что ты видишь, осязаешь и делаешь»²¹ Если мы не осознаем это, то не поймём сами себя и не поймём, почему нас ничто не удовлетворяет, почему погружение в деловой водоворот не помогает: мы выросли, и наше «я» проявилось во всей своей истинной сути, открылось нечто великое, то, для чего мы созданы.

Этот опыт – в определённый момент нашей жизни осознать себя и понять, для чего мы созданы – можно выразить в словах, сказанных Иисусом Христом и вбирающих в себя суть того, что с нами происходит: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»²² Вопрос, который каждый, вне зависимости от происхождения и исторической эпохи, должен задать себе, потому что он лучше всего описывает трепет нашего бытия. Что мне с того, что я зарабатываю все деньги мира, что я бросаюсь в водоворот дел, если это не удовлетворяет меня, а теряю себя? Сколько жестокости против всего и против всех возникает, если мы не понимаем этого! Без понимания этого невозможна истинная привязанность к себе. Если раньше я ссорился с матерью, потому что её присутствия мне было недостаточно и я «ершился», то теперь я ссорюсь с друзьями, с девушкой, сам с собой, со всеми. Отец Джуссани говорит, что, вместо привязанности к себе, появляется досада: «В подростковом возрасте нет привязанности к себе, есть досада от самого себя»²³ Надо понять, что жить с досадой на всё и всех, начиная с себя не самое лучшее в этой жизни.

Однако когда моя человечность расцветает в полную силу, привязанность к себе не может не вовлечь в себя мои потребности и нужды, такими, какими они передо мной возникли. Поэтому отец Джуссани настаивает: «Эта привязанность к себе обычно проявляется в серьёзном отношении к собственным нуждам, в серьёзном взгляде на них»²⁴, в открытости перед желанием таким, каким оно появилось в нашей жизни.

2. Природа желания

Итак, в какой-то момент нашего развития в каждом из нас проявляется природа нашего желания: оно безмерно, безгранично. Мы осознаём цель, для которой мы созданы: бесконечность, Другой (с большой буквы Д), и что молодость – это время Другого, время Тебя. Но всё это мы понимаем не сразу. Вся динамика реальности, которую мы по-своему воспринимаем по жизни, учит нас чувству Тайны, чувству Другого, чувству Тебя. Важно остановиться на мгновение, чтобы увидеть как всё то, что мы переживаем, предлагает нам этот опыт и постоянно учит чувству Тайны.

В пути, который помогает нам достичь веры, Бенедикт XVI особенно выделил желание человека и динамику, с которой он живёт, как первый шаг навстречу вопросу:

²¹ J. Carrón, «*Anche noi vogliamo essere vergognosamente felici*». *La vita come vocazione*, Società Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo, Milano 2012, p.

22 ср. Мтф16,26

23 Л. Джуссани, *Люди без родины...*, стр. 292.

24 См. выше стр. 295.

«Путь раздумий, по которому мы вместе идём в этот Год Веры, привёл нас к размышлениям о захватывающем дух человеческом и христианском опыте: человек носит в себе таинственное желание Бога». То же самое утверждает катехизис католической церкви: «Желание Бога находится в сердце человека, потому что человек был создан Богом и для Бога, и Бог не прекращает привлекать к себе человека, и только в Боге человек может найти истину и счастье, которые он беспрестанно ищет». Папа продолжает: «Многие современники могли бы возразить и сказать, что они абсолютно не чувствуют этого желания. Многие социальные слои уже не ждут и не желают Его [вы можете увидеть это в университете: возможно, многие говорят: Я не нахожу в себе этого желания]. Кажется, что они равнодушны, но Папа говорит, что то, что “мы определили как желание Бога», совсем не исчезло, оно до сих пор разными путями обращается к сердцу человека»²⁵.

Важно понять, как оно обращается, потому что нельзя обнаружить это желание в себе, говоря абстрактные вещи. Вы тоже часто говорите: «Это абстрактно». Так же, как и ваши товарищи. Папа учит нас видеть как, в опыте, этот Бог, этот Другой, обращается к нашей жизни всё конкретнее. «Человеческое желание всегда стремится к определённым конкретным благам, часто далеко не духовным, и, тем не менее, у него всё время возникает вопрос: что же такое истинное благо? Действительно: если бы я желал только этого конкретного блага, то оно бы насытило меня, но его недостаточно. Поэтому перед человеком встаёт вопрос, что такое истинное благо, и он сталкивается с чем-то отличным от себя, тем, что человек не мог создать, но должен признать»²⁶. Ничего абстрактного! Почему, если истинное благо абстрактно, я не насыщаюсь конкретным благом, а желаю чего-то другого? Почему я не останавливаюсь на том, что конкретно и чего, на первый взгляд, я желаю? Поэтому в человеке возникает вопрос, который задаёт Папа: «Что действительно может утолить желание человека?» Почему я задаю себе этот вопрос? Почему вы так часто задаёте его себе? Абстрактно ли это желание, которое стремится за пределы самого себя? Нет, это самая конкретная и провокативная из окружающих нас вещей. Она проявляется во всём, что бы мы ни делали: желание «кричит» во всём, что мы говорим и переживаем. Это становится очевидным, например, в любви, замечает Папа: «Эта динамика проявляется в опыте человеческой любви, в опыте который в наше время воспринимается как момент экстаза, выхода из себя, как точка в которой человек чувствуем встречу с превосходящим его желанием»²⁷. Почему ты желаешь большего? Почему, уже встретив долгожданную девушку или парня, - вот он(а), здесь! – хочется большего? Ты узнаёшь, что твоё желание больше.

«Я хотел бы рассказать тебе о том, что сейчас меняет мою жизнь и особенно понимание себя самой. Около недели назад после нескольких дней абсолютной сухости, я встретила моего молодого человека, и мы пошли пить кофе. Я очень хотела узнать, как у него дела, провести с ним пару часов и может быть рассказать ему о том, что меня тревожит. Но мы даже не успели войти в кафе, как начали ссориться, потому что ничто нас не устраивало друг в друге [есть выражение «не сошлись характерами», но всё, что говорят о «сошлись-не сошлись характерами – глупости, потому что проблема не в

25 Бенедикт XVI, *Общая аудиенция*, 7 ноября 2012.

26 *См. выше*

27 *см. выше*

этом; можно быть вместе и иметь разные темпераменты, надо только договориться]. И так, два абсолютно чужих человека. Мы начали обсуждать какую-то глупость и я, как всегда, старалась подобрать хорошие слова, чтобы как-то изменить того, кого я иногда называю «этот парень-бунтарь». Когда мы наконец закончили друг на друга кричать, я увидела в его глазах странную и знакомую печаль, но сделала вид, что не заметила, а потом снова погрузилась в учёбу. Вечером, после праздника в честь защиты дипломов двух наших подруг, он проводил меня домой на машине и в какой-то момент со слезами на глазах сказал мне: «Мне больше ничего недостаточно. Ни учёбы, ни друзей, ни тебя. Вас слишком мало для меня». Я была немного возмущена, и в то же время тронута этими словами и потому обняла его. Как никогда раньше я осознала, что он не мой, и что я не могу сделать его счастливым, я могу говорить всё что хочу, заполнить его всеми прекрасными вещами моей жизни, но его сердце требует большего. Кто же наполняет глаза и сердца грустью? Кто может сделать это? Вот вопросы, которые порядочно отдалили нас друг от друга: он стал чем-то святым, потому что Божий знак позвал его и сейчас зовёт меня. Он стал таким, не говоря правильных слов и не будучи идеальным парнем, но имея в глазах эту Божественную тоску. Я осознала, что я дышу только, если Он наполняет всю мою жизнь, потому что я не могу хорошо относиться даже к парню – самому дорогому для меня человеку. Принять это для меня нелегко, потому что земля начинает дрожать под ногами и каждый день это борьба между эгоистичным и болезненным обладанием вещами и осознанием, что всё принадлежит Другому. Это нелегко, но это единственное, что мне подходит, потому что я становлюсь сама собой только тогда, когда Христос происходит во мне и наполняет меня Своим присутствием».

Итак, друзья, любить другого, значит любить эту судьбу, любить это желание и обнимать эту Божественную тоску. И если вы всё сведёте к обладанию, вы не будете не обладать другим: вы обладаете его обликом, мимолётным и призрачным, но вы не любите его, потому что этот другой создан из той грусти и того желания, благодаря которому он осознал, что вас недостаточно для него. Поэтому, как говорит Папа, через отношения «для человека может стать глубже то знание о любви, которое он до этого испытал. И ещё чётче станет тайна, которую это знание представляет». Действительно, «даже любимый человек не в состоянии утолить то желание, которое таит в себе сердце, более того, чем сильнее любовь, тем чаще возникает вопрос о его происхождении и цели, о том, может ли она длиться вечно. Итак, человеческий опыт любви полон движения, которое снимает границы. Это опыт блага, который позволяет выйти за рамки самих себя и встретиться лицом к лицу с тайной, которая заключает в себе всю сущность». Папа перечисляет другие опыты, похожие на опыт любви: «В этом ключе можно так же упомянуть другие виды опыта: опыт дружбы, опыт красоты, любовь к знаниям. Любое благо, испытанное человеком, стремится к тайне, которая заключает в себе самого человека. Любое желание, возникающее в сердце человека перекликается с основным желанием, которое никогда не утоляется до конца»²⁸

Ничего недостаточно. Никогда и ничто не успокоит наше сердце. Тот же опыт переживают и поп-идолы, которым мы иногда завидуем – рассказывает Джон Уотерс в своей выставке, посвященной року: «Обычно сразу после смерти поп-звезды мы можем

увидеть, насколько заурядной и мучительной была жизнь этого человека, в которой, как мы думали, было всё – жизнь под куполом, ограждающим от человеческих волнений. Но достаточно один раз взглянуть на фотографию уже мёртвого тела, на то, что мы называли «жить полной жизнью», чтобы понять, что это абсолютно не так. Что происходит, когда у тебя всё есть? Когда очередную поп-звезду ломает так называемым «злоупотреблением», мы ждём объяснений, следим за ходом расследования. И, в конце концов, мы приходим к короткому обрывочному заключению: «Ну, это поп-звёзды, у них такой стиль жизни, они склонны к злоупотреблению алкоголя и наркотикам». Редко мы заглядываем глубже этого поверхностного вывода. Может быть где-то глубоко у нас в душе прячется чувство мести: мол, расплата за «ненормальную жизнь». Но, на самом деле, эти объяснения не помогут нам понять жизнь умершего человека. Истории про «трагичную Эми» или «Одинокую Уинти» показывают, что личная жизнь звезды похожа на наши личные жизни. Певицы вроде Эми и Уитни очень талантливы, и этот талант приносит им славу, богатство и возможности, о которых большинство людей может только мечтать. Это шикарные дома, дорогие машины и номера-люкс в отелях для них обычное дело. Они очень всемогущи, окружены телохранителями, высокими стенами и автоматическими воротами. После ухода со сцены, возврата к замкнутому существованию, жизнь таких людей сильно отличается от того, что представляют себе обычные люди, в автобусе, везущим их домой после вечеринки. У звёзд есть всё, о чём они мечтали, но теперь они осознают, что всего этого недостаточно, чтобы удовлетворить потребность, которая никогда не исчезает [потребность, которую мы часто обвиняем в абстрактности: называя её таковой, мы чувствуем себя гениями], даже когда мир смотрит на них с благоговением и завистью. Часто они чувствуют себя одиноко, чувствуют расстояние между ними и другими людьми. Им кажется, что с ними общаются из-за славы и денег, они начинают не доверять, думая, что никто их не любит такими какие они есть. Они теряются в фальшивой реальности, созданной музыкальной индустрией для привлечения доходов. В конце концов их талант, не находя поддержки, они ищут помощи в таблетках. Как сказала Селин Дион «Таблетки чтобы выступить, таблетки, чтобы встать и ещё одни, чтобы заснуть». Но единственные минуты истинной жизни у таких людей, минуты, когда они принимают любую реальность их жизни, это минуты на сцене. Внутри себя звезда определяется не плодами славы и успеха, а теми же эмоциями, которые терзают всех нас»²⁹

«Несомненно – говорит Папа – от такого сильного и загадочного желания нельзя напрямую прийти к вере. Человек [...] точно знает, что его не насыщает, но он не может представить, что позволит ему испытать ту радость, чьи ностальгические ноты он носит в сердце. [...] С этого момента появляется тайна: человек – искатель Абсолюта, идущий маленькими и неуверенными шагами. И, тем не менее, опыт желания, «беспокойного сердца» как называл его святой Августин, очень значим. Он доказывает, что человек есть существо религиозное [...]. Как сказал Паскаль: «Человек бесконечно превосходит человека»³⁰

Папа приглашает нас пройти этот путь, использовать всё, что мы на нём встретим,

²⁹ J. Waters, «Memorial Room», in *Tre accordi e il desiderio di verità. Rock'n'roll come ricerca dell'infinito*, a cura di J. Waters, Società Editrice Fiorentina, Firenze 2012, pp. 76-77.

чтобы в конце открыть себя этой тайне, прийти к ней от радостей жизни, в которых угадывается желание Бога, к пониманию, что ничто нас не удовлетворяет. Чтобы мы научились просто ждать того блага, которого не можем создать или добыть и не падали духом от усталости и препятствий, которые порождают наши грехи и зло.

Вот что написала одна из вас: «Когда я готовилась к одному экзамену, с разницей в пару дней умерли два человека, которых я знала, пусть даже не очень хорошо. Эти два события взволновали меня, и передо мной встал выбор: думать, что моя учёба бесполезна [всё равно потом всё обратится в ничто], или желать прожить каждую минуту, даже мой экзамен так, как будто это высшее проявление жизни и смерти. При выборе первого варианта, о котором я думала каждое утро, исчезла бы надежда на благо, которое я предчувствовала. Казалось, что этот вариант не очень заслуживал доверия и что его исходом было бы неудовлетворение и потеря интереса к жизни. С помощью подготовки к Дню начала Года я стала развивать гипотезу о том, что весь мир для меня, что любой опыт [в любви, в дружбе, в красоте, во всем том, что перечислил Папа] помогал мне расти, то есть помогал развиваться моему самосознанию, чтобы я могла понять кто я и чего на самом деле желаю. Тогда я поняла, что не просто хочу сдать экзамен – я хочу, чтобы в моей жизни были не только маленькие события, но и большое свершение».

Но, как уже упомянул Папа, мы часто останавливаемся из-за собственных ошибок. «В такие дни – пишет мне один из вас – я вижу, как растёт мой цинизм, который появляется не от того, что я ничего не встретил, а от того, что я предал встреченное и, несколько раз ошибившись, я понял, насколько моё восприятие себя определяется подобными ошибками и противоречиями».

Зная это, Папа говорит нам: Не падайте духом из-за усталости и препятствий, которые порождают наши грехи, потому что «даже согрешивший человек [так Папа писал в послании к Митингу Римини] мучительно желает диалога с Тайной, и это желание остаётся: О, Боже, ты Бог мой, с рассвета ищу тебя, жаждет тебя душа моя, жаждет тебя плоть моя в иссушённой и безводной земле». Никакое зло, никакая ошибка не может стереть это: «Не только душа моя, но и каждая клеточка тела создана, чтобы найти покой, чтобы воплотиться в Боге. И это напряжение невозможно изгнать из сердца, даже когда ты избегаешь или отвергаешь Бога, жажда бесконечности не исчезает. Жажду души и желание тела, упомянутые в Псалтыре, невозможно стереть»³¹. Это знак того, что желание Бога не определяется нашим злом, и что мы по-прежнему дороги Тайне, иначе Бог уже стёр бы нас с лица земли.

Желание остаётся. «Значит, речь идёт не о том, чтобы подавить желание в сердце, а о том, что надо освободить его, чтобы оно могло достичь своих высот. Когда в желании Богу открывается оконце – это знак присутствия веры в душе, веры, то есть благодати Божьей. Святой Августин всегда утверждал: «Ожиданием Бог увеличивает желание. Желание — углубляет души. Углубляя — делает их более способными к восприятию»³². Становится ясно, насколько фальшиво наше утверждение о том, что наше отношение с бесконечностью абстрактно.

«Сегодня вечером я осознала, что в дискуссиях я сильна, что, теоретически, я всё

31 Бенедикт XVI, Послание XXXIII Митингу Дружбы народов, 10 августа 2012.

32 Бенедикт XVI, Общая аудиенция, 7 ноября 2012.

поняла, а затем в повседневной жизни, я не беру за правило то, что поняла. Вместо того, чтобы стать безмятежнее в своих делах, я культивировала в себе своеобразный скептицизм. Например, когда ты сказал, что мы все созданы для бесконечности, я почувствовала дискомфорт, потому что эта фраза показалась мне очень абстрактной. Я подумала о разногласиях с моей соседкой по квартире и решила, что, к сожалению, для неё тот факт, что мы связаны с бесконечностью, не имеет значения, потому что он абстрактен». Скажи, твоя злость на соседку доказывает, что наша «связь с бесконечностью абстрактна», или напротив, что она истинна и конкретна? Почему тебе не хватает тех отношений, которые у тебя есть с этой соседкой? Почему тебя это злит? Из-за темперамента, или потому что ты желаешь чего-то другого, в том числе и в отношениях с ней? «Думаю, что позавчера я действительно испытала на опыте свое суждение, когда сказала, что я сержусь и ушла из дома подышать свежим воздухом. Однако я тут же осознала, что, даже сбежав и сделав по-своему, я не стала счастливее». Значит проблема не в других, потому что даже сбежав мы не становимся счастливее. «Мысль о том, что она не права и мой побег не освободили, а наоборот сковали меня. Потом я поговорила с одной знакомой и не то, чтобы я перестала злиться, но, разговаривая с ней, я подумала: «Кто я, чтобы ограничивать другого из-за его ошибок, если со мной так никто не поступает? Если Иисус не смотрит на нас сквозь наши ошибки, почему мы должны так делать?». Я должна тебе признаться, что признание того, что мы намного больше рамок, которыми мы себя ограничиваем, не было абстрактным, и что это не означает, что ошибки нас не касаются – просто надо уметь смотреть на них не убегая. Я счастлива, живя так. Я осознала, что я создана не чтобы убежать, а чтобы жить полной жизнью».

Когда мы видим размах нашего желания, всё его величие, у нас возникает вопрос: это благодать или приговор? Не приговор ли – желать так много? Именно на это противоречие, этот бунт, который возникает в нас, ссылается Папа: «Однако тогда возникает вопрос: Разве структурно возможно человеку жить выше своей сущности? Разве это не приговор – жажда бесконечности и невозможность утолить её?»³³ Сколько раз мы спрашивали себя: не лучше ли смириться? Не было бы лучше, если бы я не встретил никого, кто заново разжёл бы во мне это желание вечности? Иногда хочется, чтобы этой встречи не было вовсе, хочется вернуться «к котлам с мясом в плену Египетском», как хотел этого народ Израилев [они были рабами, но у них хотя бы было мясо]. Зачем желать так много?

Чем сильнее и драматичнее чувство ожидания, - говорит Папа, - тем прямее дорога, по которой этот вопрос ведёт нас к сердцу христианства»³⁴. И последний пункт этой лекции можно описать фразой Шарля Пеги: «Чтобы надеяться, надо получить и принять великую благодать»³⁵

3. Присутствие, которое позволяет мне возлюбить себя прямо сейчас.

«Сама бесконечность – говорит Папа – обрела конечную форму, чтобы стать

33 Бенедикт XVI, Бенедикт XVI, Послание XXXIII Митингу Дружбы народов, 10 августа 2012.

34 См. выше

³⁵ Ch. Péguy, *Il portico del mistero della seconda virtù*, in *I Misteri*, Jaca Book, Milano 1986, p.167

ответом, который человек мог бы познать на опыте. С момента Воплощения, с того момента, как Слово стало плотью, исчезло расстояние между конечным и бесконечным: Вечный и бесконечный Бог покинул Небеса и вошёл во время, облёкся в хрупкую человеческую оболочку»³⁶, чтобы ответить на наше желание бесконечности.

Почему, зная это, мы уверены, мы с уверенностью можем сказать, что то, что провозглашает христианство действительно произошло? Повстречавшие Христа узнали его по Его способности знать человеческие сердца. «Только божество может «спасти человека, то есть основное и истинное значение его человеческой сути и его судьбы, только Тот, кто является последней инстанцией может «сохранить» это значение, защитить и заявить о нём». Действительно: Иисус, Бог во плоти, бесконечное, ставшее конечным, «в своём существовании он выражает сострадание к каждому и радуется счастью каждого. Благодаря этому мы начинаем ценить личность, как нечто неизмеримое». Для Него «загадка существования мира объясняется счастьем одного человека»³⁷. Меня или тебя. Вот что мы находим на каждой странице Евангелия.

«Когда же подходил Он к Иерихону, один слепой сидел у дороги, прося милостыни, и, услышав, что мимо него проходит народ, спросил: что это такое? Ему сказали, что Иисус Назорей идет. Тогда он закричал: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. Шедшие впереди заставляли его молчать [ополчились, чтобы он перестал кричать]; но он еще громче кричал: Сын Давидов! помилуй меня [это та борьба, которая происходит в каждом из нас, между теми, кто говорит «Замолчи! Не беспокой больше!» и нашим криком «Слепой кричал громче!»]; никто не может заменить нас в этой борьбе. Что лучше: замолчать или кричать? Только с тем, кто нашёл в себе смелость кричать, может случиться то же, что и со слепым]. Иисус, остановившись, велел привести его к Себе [этим жестом Иисус выразил своё сострадание к каждому человеку: всем на него наплевать, его затыкают, и часто именно «друзья» говорят «Не беспокой!»], но вот Тот, кто заботится о желании человека, останавливается и приказывает привести его] и, когда тот подошел к Нему, спросил его: чего ты хочешь от Меня? Он сказал: Господи! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: прозри! вера твоя спасла тебя»³⁸

Прошло две тысячи лет с тех пор, как это произошло, но мы не можем стереть это событие с лица земли: конечно, можно наплевать на него, игнорировать, а можно открыться и признать его возможность. Нужно иметь сострадание к себе, чтобы распознать в жесте Иисуса надежду, коей он является для человека, желающего всё, как тот слепой.

Действительно, «величайшее чудо, которое поразило апостолов, это не излечение ног, не очищение кожи, не возвращение зрения. Я уже упомянул величайшее чудо: человеческий взгляд, который видит насквозь и от которого невозможно спрятаться. Ничто так не убеждает человека как этот взгляд, который постигает и признаёт суть человека и открывает человеку самого себя»³⁹

Так случилось с самаритянкой и от одного лишь чтения этих строк мурашки по

36 Бенедикт, Бенедикт XVI, Послание XXXIII *Митингу Дружбы народов*, 10 августа 2012.

37 Л. Джуссани, *У истоков христианского притязания*, Rizzoli, Милан 2011, стр. 105.

38 Лк18,35-42.

39 Л. Джуссани, *У истоков христианского притязания* стр. 62.

коже: «Итак приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь, близ участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу. Там был колодезь Иаковлев. Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа. Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить. Ибо ученики Его отлучились в город купить пищи. Женщина Самарянская говорит Ему: как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются. Иисус сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую [Иисус мог бы продолжить эту игру: иудей-неиудей-самаритянин, но он краток: если бы ты знала того кто говорит тебе «дай мне пить...». С самого начала видна разница: говоря о том, о чём говорят все, Иисус сразу переходит к сути, а женщина, словно не расслышав его отвечает]. Женщина говорит Ему: господин! тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у тебя вода живая? Неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь и сам из него пил, и дети его, и скот его? Иисус сказал ей в ответ [женщина пока не сдаётся]: всякий, пьющий воду сию, возраждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную [тут женщина прекращает играть, потому что эти слова ответили на то, что она глубоко в душе желала, и она умиряет свою спесь и просит Иисуса дать ей этой воды]. Женщина говорит Ему: господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходиться сюда черпать. Иисус говорит ей: пойди, позови мужа твоего и приди сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе [даже пять мужей не смогли утолить жажду этой женщины, более того, её жажда усилилась]; это справедливо ты сказала. Женщина говорит Ему: Господи! вижу, что Ты пророк. Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме. Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев. Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине. Женщина говорит Ему: знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все. Иисус говорит ей: это Я, Который говорю с тобою. В это время пришли ученики Его, и удивились, что Он разговаривал с женщиною; однакож ни один не сказал: чего Ты требуешь? или: о чем говоришь с нею? Тогда женщина оставила водонос свой и пошла в город, и говорит людям: пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос? Они вышли из города и пошли к Нему. Между тем ученики просили Его, говоря: Равви! ешь. Но Он сказал им: у Меня есть пища, которой вы не знаете. Посему ученики говорили между собою: разве кто принес Ему есть? Иисус говорит им: Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его. Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и наступит жатва? А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве. Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий и жнущий вместе радоваться будут, ибо в этом случае справедливо изречение: один сеет, а другой жнет. Я послал вас

жать то, над чем вы не трудились: другие трудились, а вы вошли в труд их. И многие Самаряне из города того уверовали в Него по слову женщины, свидетельствовавшей, что Он сказал ей все, что она сделала. И потому, когда пришли к Нему Самаряне, то просили Его побыть у них; и Он пробыл там два дня. И еще большее число уверовали по Его слову. А женщине той говорили: уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос»⁴⁰

Вот как Папа комментирует этот эпизод: «Нет такого человека, который бы в своей жизни не оказался в такой же ситуации, что и самаритянка: около колодца, с пустым кувшином, в надежде, что исполнится самое сокровенное желание, ведь только оно может придать истинный смысл существованию. Сейчас много колодцев, из которых можно напиться, но надо уметь разбираться в них, чтобы избежать загрязнённых вод. Важно искать в правильном направлении, чтобы не стать жертвой разочарований, которые могут быть разрушительными. Церковь, как и Иисус у колодца, чувствует, что она должна быть рядом с мужчинами и женщинами этого времени, чтобы Бог вошёл в их жизнь, чтобы они могли встретить его, потому что только Дух его – вода, дающая вечную жизнь. Только Иисус может читать наши сердца и открыть нашу истину: «он сказал мне всё, что я сделала». И эти слова вести, к которым присоединяется и вопрос веры «Кто же такой Христос?», показывают, что тот, кто получил новую жизнь от встречи с Христом, не может не идти и не возвещать об этом»⁴¹

Это прекрасно, но происходит ли это сейчас? Этот вопрос мне задавали мои студенты: «Это прекрасно, нас тоже впечатляет то, что просто написано на страницах Евангелия, нам кажется, что мы были там! Это прекрасно, но происходит ли это сейчас?»

Послушаем рассказ одного из вас: «Месяц назад в моей жизни наконец-то случился переворот. Наконец-то, после дней, месяцев абсолютной апатии я встретила нечто столь прекрасное, что я больше не мог оставить всё так, как было. А как всё было? Я жила, и надеялась на скоротечность дней, не имея ни малейшего понятия о том, что происходило вокруг меня, во мне. Я пережила сентябрь, полный беспокойств и тревог, запуганная университетом, я не знала, что меня ждало величайшее открытие – открытие себя, истинной себя, которая заснула, и про которую я забыла. Благодаря одной знакомой из лица, в сентябре я пришла в университет и точно знаю, что Кто-то решил сделать мне подарок, за который я Ему благодарна, сюрприз, который изменил мою жизнь. Моё присутствие на презентации моего курса, организованной студентами 20 сентября (я даже отчётливо помню эту дату) и моё знакомство с этими людьми сразу после этого события, оставили чувство, которое до сих пор меня потрясает. Эти люди поразили меня, хотя я их не знала, не знала ничего о движении и отце Джуссани, о Карроне, но было ясно, что это нечто другое, что их дружелюбность не была банальной вежливостью. Я вернулась домой счастливая, благодаря приобретённому опыту и довольная выбором этого университета. На первой неделе занятий подруги спросили у меня: «Мы идём на школу общины. Хочешь с нами?». Я инстинктивно пошла, влекомая любопытством. Первый раз я увидела, что значит проживать нечто вместе и до конца. У меня свежие воспоминания о школе общины, но

40 *Ин 4,5-42.*

41 Бенедикт XVI, Послание к Божьему народу по завершению 13-ой генеральной рядовой ассамблеи Синода епископов, 26 октября 2012.

особенно о том, как я себя чувствовала, когда она закончилась: всё, что я могла произнести, это «Как прекрасно! Я никогда в жизни такого не видела и не переживала!» Вечером я спросила: почему из всех людей в университете я встретила именно людей из движения? Это просто случайность, или Кто-то от меня чего-то ждёт?

Я расспросила всех, задавая порою очень простые вопросы. Я прочитала записи с Дня начала Года, я начала с нуля, как новичок. Когда мои родители видят, что я счастлива, посещая университет, они радуются за меня, хоть и не состоят в движении. Они просто посмотрели мне в глаза и попросили рассказать, что произошло. А всем тем, кто критикует, друзьям, с которыми пришлось спорить, и которые сначала меня не поняли [а некоторые до сих пор скептически смотрят], я могу сказать только одно: спасибо, большое спасибо, потому что если бы вы не приводили бы свои доводы, я бы не сформулировала свои, не изучила бы всё до конца. Наши споры заставили меня обосновывать, объяснять им и себе то, что я нашла. И, конечно я не представляю, что бы было если бы не люди, которых я встретила, то, как они глядят на меня, то необъяснимое внимание, которое они мне оказывают. Почему, учитывая то, сколько людей вокруг, сколько проблем у каждого из них, они находят время, чтобы посвятить его мне? Как такое возможно? По-моему, это очень явный знак присутствия Христа. И это заслуга не столько дискуссий, сколько красоты, которая светится во всех, кого я встретила в этом месяце».

Отец Джуссани говорил: «Смысл нашей жизни открылся нам и продолжает открываться, поражая наше существование, которое он сопровождает и которому помогает во времени и пространстве, то есть в физически ощутимой человеческой реальности», похожей на ту, которую встретила наша подруга. Смысл нашей жизни достигает нас в человеческой реальности «и эта физически ощутимая человеческая реальность похожа на спутника по пути к нашей зрелости в отношении поисков судьбы и нашего ожидания в надежде на полное понимание смысла жизни. Так вот эта реальность, эта часть времени и пространства не выбирается нами – мы находим её и признаём (не выбираем, а признаём); и именно эта часть времени и пространства потрясает нас. Это встреча, это именно Та встреча, следовательно наше сознание никогда с таким не сталкивалось [как пишет девушка: «Я никогда в жизни такого не видела и не переживала!»]. Даже если сначала всё запутанно и полно непонятных намёков, знайте: в глубине таится Слово, отличающееся обещанием, надеждой в будущем»⁴²

Это можно заметить в следующем рассказе одного из вас: «Я встретил двух друзей, с которыми разделил университетскую жизнь и в первые же дни я познакомил их с человеком, который очень важен мне – один видный свидетель веры. Садясь в машину, один из друзей сказал мне: «Со мной никогда не обращались так хорошо».

Вера – утверждает отец Джуссани – это признание божественного в настоящем. Как Симон, Магдалина, Самаритянка и Захария были поражены этим предчувствием Присутствия, или Присутствием, как предзнаменованием другой, обещанной жизни, так же поражён и ты [даже с учётом более хрупких условностей]. Иначе ты бы не был здесь! Осознать это, смотреть этому факту в лицо, сказать этому факту «Ты», увидеть как истинно и по-разному он обнимает, как он заставляет истинно смотреть и нести любую

вещь!»⁴³. Предчувствие обещания жизни. Потому что Иисус не только обещает, но и исполняет.

«Дорогой Хулиан, на прошлой неделе одна моя хорошая подруга сказала, что она уже год является послушницей *Memores Domini* и скоро будет жить в квартире взрослой Группы. Ты бы видел её влюблённое лицо. Она рассказывала, как это решение появилось и созрело в ней, с глазами, полными любви к Христу, как будто он несколько лет был с ней во плоти. Я смотрел на неё весь вечер, поражённый тем, как она изменилась и как же она счастлива. На самом деле я поймал себя на мысли: она либо сумасшедшая, либо это действительно Христос – кто ещё может так полно ответить на желание человеческого сердца, чтобы человек после этого решил посвятить ему всю свою жизнь? На том ужине нас было человек пятнадцать. Пока она рассказывала часто возникали паузы, но не неловкие паузы молчания, когда не знаешь что сказать, потому что всё кажется неуместным, - это молчание было полно потрясения, внушительного Присутствия. Оно столь внушительно и реально, что изменило и завоевало жизнь моей подруги и в тот момент, через её изменение оно начинало завоевывать и меня. Ничто не заставляет так биться моё сердце, ничто так не потрясает меня, как осознание того, что Христос присутствует сейчас через изменившееся человечество. Для меня этот факт становился всё яснее, потому что я пережил тот же опыт потрясения, слушая тебя на последней школе общины или читая письмо родителей Биццо⁴⁴, за год до его смерти, или письма Франчески⁴⁵. Когда это происходит я прежде всего чувствую свободу, с которой я могу без упрёка в ограниченности смотреть на себя, свободу, с которой я могу предложить другим то, что я встретил. Но эта встреча сделала меня спокойнее: с самого начала дня я желаю только найти черты Его лица в реальности вещей, которые меня окружают, во встречах, потому что, если этого не происходит, то в конце казалось бы плодотворного дня (секции, лекции, учёба, встречи, мероприятия движения) в глубине сердца остаётся ностальгия, из-за которой я спрашиваю сам себя: зачем всё то, что я сегодня сделал, если я не смог встретить тебя? Поэтому я приехал на эти Упражнения, и я благодарен, что могу продолжить этот путь, чтобы научиться с простотой осознавать каждый день, что «На бегу я протягиваю руку, чтобы схватить его; я, тот, кто уже схвачен Христом»

А потому, насколько прав Пеги, говоря, что «Чтобы надеяться, надо получить и принять великую благодать»? А что такое благодать? Это Он, его Присутствие, это прежде всего не Его дары, но Он, потому что без него я не могу возлюбить себя, не могу привязаться к себе. Невозможно возлюбить себя без присутствия Христа, - напоминает отец Джуссани, - его присутствие подобно присутствию матери около ребёнка, который не знает, что делать и хнычет, запачкав пелёнки. Без присутствия Христа сейчас – именно сейчас! – я не могу любить себя и не могу любить тебя. Если Христос не воскрес, то для меня всё кончено, даже если у меня есть все его слова, все его Евангелия. С текстами Евангелий на худой конец я могу убить себя, но если есть Христос – нет, если я признаю Его присутствие – нет!»⁴⁶.

43 Л. Джуссани, *Здесь и сейчас (1984-1985)*, Вур, Милан 2009, стр. 434-435.

44 Ср. «И в боли предпочтённые», Письмо Флавия и Эстен Биццоццо, 2 ноября 2012, *Tracce.it*

45 Ср. Д. Перилло, «С их же жизнями», *Tracce-Litterae communionis*, п. 9, октябрь 2012, pp. 20-21; или «Смотрите, я иду в рай», 9 октября 2012, *Tracce.it*

46 Л. Джуссани, *Здесь и сейчас*, стр. 77.

Христос воскрес, то есть он идёт в ногу со временем и с историей через лица тех, кто вновь предлагает мне Его обещание. Многие из вас рассказывают о необычных встречах: «Когда я брожу по коридорам и встречаюсь взглядом с кем-то из них, мне становится радостно – я чувствую себя дома. Когда я их не вижу, то я хочу найти их, чтобы быть с ними. Но они мне что-нибудь обещали? Я осознала, что никто ничего мне не обещал, но на самом деле они обещали всё. Они – обещание, с их стилем жизни, с их общинностью и взглядом, от которого люди чувствуют, что они любимы и что им всего хватает. Они сами – обещание». «Кто-то тебе что-то обещал сегодня? – Пишет ещё один из вас – Я должен признать, что одно обещание точно есть: это ваши лица».

Община, – пишет отец Джуссани – это место непрерывного события, буквально – прихода Христа две тысячи лет назад, той встречи с Самаритянкой. Это место где ты всё время чувствуешь некий толчок, который дал тебе предчувствие новой жизни, намёк на обещание истинной жизни, которая привела тебя к нам. Община – это место постоянства Христа, постоянства прихода Христа, и сам приход Христа, который затронул тебя. Потому что именно через случайности, через случайные совпадения и отношения Христос стал для тебя событием, как до этого он стал им для Симона или для Самаритянки. Христос стал событием для твоей жизни через случайность отношений. Если ты вырвешь себя из этой кажущейся случайности отношений и обстоятельств, то ты потеряешь не только эти отношения, но и то, что тебя в них поразило»⁴⁷

А что тебя поразило в этих отношениях? Он, Тайна, ставшая плотью, Христос. Он как будто бы вложил свои слова в уста святого Иоанна Златоуста: «Всем этим я не только свидетельствую свою любовь. Я покинул Отца своего и пришёл к тебе, а ведь ты ненавидел меня, убегал от меня и не хотел даже услышать имя моё; я преследовал тебя, я бежал по твоим следам, чтобы завладеть тобой; я присоединил, привязал тебя ко мне, я крепко держал тебя, я обнял тебя. «Ешь меня, пей меня», сказал я. И ты со мной на небесах и я с тобой на этой земле. Мне недостаточно власти над твоими плодами на небе, это не утолит моей любви. Я снова сошёл с небес на землю не только чтобы смешаться с народом твоим, но чтобы крепко обнять именно тебя»⁴⁸, чтобы ты мог привязаться к самому себе.

Собрание Хулиан Каррон

8 декабря, день

Хулиан Каррон: Пришло очень много вопросов и, как всегда, чтобы не повторяться, мы выбрали самые частые, чья формулировка показалась нам простой и понятной. Итак, начнём.

47 См. выше стр. 438.

48 Ср. Джованни Кристономоб комментарий к певрому письму Тимофею, проповедь XV, Полное издание под редакцией Ди Нола, Città Nuova, Рим 1995.

Вопрос: Я осознал, что утверждение того, что мне ничего не хватает, может привести к потере интереса и к безответственности в реальной жизни. Например: хорошо спетая песня (я хожу на хор) не утоляет желание бесконечности в моём сердце, но, в то же время, мне необходимо петь, чтобы безошибочно распознать черты того, кто, в отличие от песни, наполнит моё сердце. Поэтому я хотел бы спросить: в реальной жизни ничего не хватает до конца, но как сердце мирится с тем, что реальность – это путь? Почему я должен нуждаться в том, что меня не наполняет?

Каррон: Я очень благодарен тебе за вопрос, потому что, как всегда, отвечая на него, в первую очередь чему-то научился я сам. Действительно, размышляя над этим, я ещё сильнее осознал насколько поразительна Тайна, потому что этот метод гениален. Представьте Тайну: она так счастлива, что хочет сообщить об этом (представьте, что это счастье сопоставимо с счастьем супружеской пары, которая хочет подарить свою полноту, и от этой радости рождается желание передать её сыну. Создание родилось именно так – из взрыва счастья, который пережил Бог, в этих таинственных и уникальных отношениях между Отцом, Сыном и Святым духом; потому он захотел создать людей, чтобы разделить с ними своё счастье. А какой метод он использовал, чтобы привести их к этому счастью? Первая мысль, которая приходит нам в голову: если Он захотел разделить с нами эту радость, почему он не создал нас непосредственно на Небесах? Почему Он не дал нам всё и сразу, не дал сэкономить на пути к этому счастью? Но если мы взглянем на жизнь успокоившись, то возникнет вопрос: Если Тайна сделала бы так, чтобы она устранила? Свободу, потому что мы были бы обязаны с самого начала жить так, без возможности свободного присоединения к Тайне; Было бы человеческим несвободное Спасение? Я уже рассказывал о диалоге с одним миланским таксистом-«теологом»: он был поражён – я бы даже сказал возмущён – тем, что Бог позволяет происходить некоторым вещам и не вмешивается в них; глубоко в душе он был возмущён свободой (потому что в итоге именно это отправная точка: буйство свободы). Чтобы он меня понял я задал ему вопрос: «Но чтобы вы предпочли: чтобы ваша жена любила вас будучи неким механизмом, который бы не допускал ошибок, или чтобы она любила вас свободно?» Он сразу ответил: « Я бы хотел, чтобы она любила меня свободно». «Вот видите. У Тайны вкус не хуже вашего – вместо того, чтобы создать больше механически блестящих звёзд, существ, которые бы двигались согласно жёсткому правилу, Она решила пойти на риск свободы».

Когда мы смотрим на вещи внимательнее, мы видим, что единственная возможность исполнения Божественного предназначения расходится с тем, что мы себе воображаем. Тогда мы начинаем понимать, зачем Тайна создала в нас это безграничное, бесконечное желание: чтобы разделить с нами Свою полноту. Но это желание надо постоянно воспитывать, постоянно пробуждать. А каким образом Тайна может постоянно открывать наше желание, научить нас, как его выразить, учитывая нашу срочную потребность в полноте? Единственный метод – использование конкретных жизненных ситуаций. Здесь недостаточно дискуссий, потому что дискуссия недостаточно трогает, не расширяет и не открывает нас. Он дал нам конкретные ситуации, чтобы они привлекали, открывали, освобождали все наши способности: способность мыслить, привязываться, то бесконечное

желание, которое надо всё время пробуждать в нас. Всё это может произойти только после прохождения конкретного опыта, который, в то же время, не удовлетворял бы нас полностью. Только этот столь реальный конкретный и точный метод, который трогает нас за живое и расширяет наше сознание, мог в то же время уважать нашу свободу, потому что, переживая конкретное событие, мы можем открыться на встречу тому, что выходит за пределы, а можем не открываться. Этот процесс можно показать на примере цветов: цветы – это нечто конкретное (они могут завянуть), но это то конкретное, в то же время отсылка на что-то большее, они то, что мы называем знаком. Мы можем решить, наслаждаться ли цветами, пока они не увянут (часто мы поступаем так с вещами и людьми: обладаем ими до их истощения, а потом остаёмся совсем одни), или последуем за тем, на что эти цветы ссылаются, будучи знаком. Это и откроет нас. Вот метод, созвучный с природой разума, который открыт реальности и уважает свободу. И он действительно истинен, потому что этому методу знака, который нас провоцирует, открывает и расширяет, следовал и Иисус. Он, притягивая к себе людей, открывал их для ещё более таинственного диалога с Отцом, постоянно учил их Тайне. Отец Джуссани говорил, что самое важное, что сделал и делает Иисус с точки зрения воспитания – воспитывает наше религиозное чувство; Иисус упорно борется с апостолами, когда они пытаются втиснуть его в свои рамки, чтобы открыть их Тайне. Апостолы и народ хотят просто прикрепиться к нему, хотят сделать его королём: «Что ты ещё хочешь? Мы признали тебя, ты приумножил хлеба, мы признаем тебя, как это доказать? Мы хотим сделать тебя королём, так как признаём твоё величие». Но Иисус никогда не отступает, с одной стороны он полностью осознаёт, как мы устроены, из какого теста мы слеплены, а с другой стороны осознаёт свою суть и миссию, которая говорит: «Нет, нет, эта корона ограничила бы то, чем я являюсь, и вам было бы недостаточно». А потому миссия так увеличивается в размерах, что, в какой-то момент Христос начинает возмущаться: «Если вы не будете пить кровь мою и есть плоть мою, вы не сможете стать счастливыми». Иисус своими действиями всё больше расширяет желание. Почему? Потому что он не желает нам добра? Только помотрев поверхностно можно сказать, что он не желает нам добра. На самом деле он так любит нас, что хочет наполнять нас всё больше и больше. Неудовлетворение, которое остаётся при любых вещах и отношениях – это способ, с помощью которого Он спрашивает: «Не меня ли тебе не хватает?». Поэтому меня всегда поражает фраза, которую я прочитал в книге отца Джуссани и которую не устаю повторять: каждым неудовлетворением, которое остаётся после жизненного опыта, Тайна какбы говорит нам: «Это Меня тебе не хватает в каждой вещи, что ты переживаешь, Меня!». И снова встаёт вопрос свободы. Я могу сказать «Да ну!», а могу подчиниться этому манящему очарованию. Выбор драматичен, потому что свободен, и эта драма неразрешаема, потому что выбор постоянно возникает снова и снова. И надо искренне желать себе добра, истинно привязаться к себе, чтобы не довольствоваться чем-то меньшим чем то, чего желает сердце, чтобы не вызывал возмущение метод, с помощью которого Бог воспитывает с целью привлечь нас, наполнить нас, расширить наше сердце и наполнять его ещё и ещё. Это не похоже на наше представление об «обывательском счастье». Но об этом мы поговорим потом.

Вопрос: Как может простое признание волнения в моём сердце быть очевидным

знаком присутствия ответа? Я понимаю, что моё волнующееся сердце это как открытая дверь, но я не вижу, как простое признание этого факта может быть очевидным знаком присутствия ответа.

Каррон: Могу я задать тебе вопрос? Раз ты задал вопрос, ты должен быть готов к неожиданностям. Ты когда-нибудь влюблялся?

- Да.

Каррон: И ты когда-нибудь переживал чувство ностальгии, по отношению к любимому человеку?

- Да.

Каррон: А почему ты эту чувствовал ностальгию? Почему тебе её не хватало?

- Потому что я видел её раньше, следовательно потом мне стало её не хватать.

Каррон: Тебе её не хватало, если бы она была с тобой, ты бы не скучал по ней. Это чувство нехватки – знак того, что ты уже встречал её раньше, правильно?

- Да

Каррон: Всё понятно?

- Да, достаточно.

Каррон: Часто мы не понимаем именно это: кто-то скучает, потому что ему кого-то не хватает. Вы спросите: но почему наше желание, наша ностальгия – безошибочный знак того, что есть Тот, по которому мы скучаем? Именно потому, что иначе вы бы не скучали. Но это умозаключение, которое стало так очевидно на примере ностальгии по любимому человеку (если бы ты не встретил его, ты бы не скучал по нему), мы не используем по отношению к желанию, которое чувствуем в нас. А ведь оно справедливо и для желания, потому что я обнаруживаю это желание, это ожидание, как назвал его Павезе, именно из-за надежды, что оно несёт. Поэтому вчера вечером, цитируя Павезе, я настоял на вопросе: Почему я жду? Если никто ничего нам не обещал, почему мы ждём? Именно это нам трудно понять, кажется, что ждать бесполезно. Но все гении, как Павезе, признают, что в этом ожидании есть что-то таинственное, есть знак ответа и понимают, что нужен кто-то, кто бы заново пробудил в нас это желание. Мы не отдаём себе отчёт, что само обладание этим желанием уже важно. Поэтому Унгаретти, которого мы цитировали вчера, говорил: «Но почему я, находящийся среди смертных и вещей, приходящих в упадок, среди конечных вещей, почему я так бесконечно желаю? Боже, почему жажду?» Нам эти фразы, со всем их поэтическим смыслом и совершенством кажутся пустыми вопросами, потому

что, чтобы понять их вес, надо иметь жизненный опыт, надо понять, что ты прожил. Почему я начал разговор с ностальгии? Потому что это опыт, который у вас есть, чтобы понять то, что говорят поэты – то что мы сказали утром другими словами. Опыт ностальгии помогает вам понять, что если вам кого-то не хватает, то это уже знак: этот кто-то существует. Если бы его не было, не было бы и ностальгии. Представьте, насколько бы поменялись взгляды, если бы каждый будучи в печали, в одиночестве, испытывая неудовлетворение, принимал это как ностальгию: ведь, соскучившись, мы не ищем повода усомниться в существовании любимого человека, а признаём ностальгию, как более мощный призыв к памяти об этом человеке, к признанию его существования. Если для нас всё наоборот, значит мы недостаточно близки к человеческому, и потому мы всё трактуем наоборот. От этого жизнь становится действительно тяжёлой: кто-то дарит тебе подарок, и ты думаешь, что он разыгрывает тебя; относится к тебе хорошо, а ты воспринимаешь это, как нечто плохое. Как будто мы не можем найти ключ к разгадке действительности, чтобы понять, что происходит в жизни, и это сбивает с толку. Наличие вопроса – очевидный знак того, что есть ответ, потому что иначе не было бы и вопроса (истинного вопроса, который является частью нас): почему, будучи среди конечных вещей, я желаю вечности? Почему? Если никто ничего не обещал, почему мы ждём? Почему, живя среди смертных вещей, я жажду Бога? Только если мы начнём смотреть на эти фразы не считая их пустыми, а будем переживать их, начнёт открываться проход, и мы поймём, и нам будет интересно понимать. Представьте, что мы смотрим на любое событие и человеческий опыт, через призму слов отца Джуссани: «Это Меня не хватает в любой вещи, что ты пробуешь». Нехватку, что ты ощущаешь – самый явный знак того, что тебе не хватает Меня – Присутствия, для которого ты создан. Как еслибы твоя девушка сказала тебе: «Неужели ты не понимаешь, что это меня тебе не хватает?». Этот вопрос мы прекрасно понимаем, а вот когда он касается основ жизненного опыта, мы приходим в замешательство.

Вопрос: Почему для тебя ожидание – это радость? Для меня это всегда беспокойство. И я хотела задать ещё вопрос...

Каррон: Ты поняла то, что я до этого говорил?

- Да.

Каррон: Почему то, что для вас всего лишь волнение для меня – радость? Потому что когда начинаешь смотреть с ностальгией... Тебе когда-нибудь хотелось не чувствовать ностальгию по парню, которого ты любишь? Хотелось преодолеть эту стадию чувств?

- Нет

Каррон: Нет. Тогда ты понимаешь, почему ностальгия в радость?

- Но ведь именно в отношениях с ним я переживаю это тяжелее, потому что именно когда я с ним, становится ясно, что мне нужен Другой. Это меня беспокоит.

Каррон: То есть отношения между вами отсылают вас обоих к Другому, к тому, кто может заполнить вас, и именно это делает жизнь драматичной. Почему? Мы уже сказали ранее: из-за гениальности Тайны, которая хочет открыть нас, расширить наше сердце, распахнуть его с помощью чего-то реального, настоящего, конкретного. А что затрагивает наше сердце больше всего, что раскрывает его нараспашку? Эмоциональные отношения, потому что другие вещи могут волновать, но они не задевают струны твоей души. И чем больше задевают, тем больше открывают. Это становится драмой, потому что ты думаешь, что другой человек должен тебя дополнить. Но, если бы его хватало, жизнь бы кончилась. Кстати, какой тогда была бы жизнь? То что мы дополняем друг друга – игра нашего воображения. Ведь именно начиная с примера с ностальгией мы призваны осознать, что чем больше ты привязан к кому-то, тем больше это чувство отсылает тебя к чему-то другому, именно потому, что ты создана для этого другого, потому что вы оба созданы для большего величия. Конечно, кажется, что это подавляет, как в историю, которую мы услышали утром, когда парень сказал девушке, что она не может дополнить его: «Значит не я тебя дополняю...». На самом деле это самый решающий момент. Потому что ты можешь полностью понять, что за человека ты любишь и кто ты. Никакой другой человеческий опыт не сможет дать тебе столько понимания в том, кто он и кто ты. Конечно, это драма, потому что мы мечтаем, что эмоциональная связь с другим человеком станет кульминацией нашей цельности, в то время как величие этих отношений в том, что они открывают нас. Папа в *Deus caritas est* непосредственно указывает, что эти отношения – самые близкие к божественному. Но если ты не поймёшь, что отношения между вами – отсылка к чему-то большему, тогда тебе покажется несправедливым то, что ты пробуждаешь в нём желание, он – в тебе, и ты не можешь его утолить. Хочется сказать: раз я пробуждаю желание, а потом не могу его утолить, то лучше не делать этого, потому что я сделаю его несчастным. Но на самом деле счастье в том, что ты отвечаешь на это желание с уверенностью, что есть Другой, который его утолит. Ты важна для человека, который тебя любит, потому что, благодаря одному твоему существованию рядом с ним, он может понять, для чего он создан. Так же и ты, благодаря одному ему, ты можешь понять, для чего создана ты, таким образом вы оба идёте вместе по дороге к Единственному, кто может утолить вашу жажду. Именно это превращает призвание к браку в дорогу к Тайне. А ради чего ещё стоит жениться и выходить замуж если не ради этого? Иначе это был бы обман, отвлекающий фактор; помеха, вместо дороги. Отношения – отсылка к истинной цели, потому что ничто так не отсылает к цели нашего создания, как присутствие любимого человека. Если мы этого не поймём, отношения станут могилой, как это, к сожалению, часто случается в нашей культуре: сводя другого человека к тому, что он должен меня дополнить, я быстро понимаю, что он этого не делает и наши отношения становятся могилой. Часто мы доходим до этой могилы быстро, потому что наша культура уже открыта для разводов. Разными темпами мы все дойдём до этой могилы, если не осознаем, что другой человек – это знак того Единственного, кто может нас дополнить, а не дополнение. В поиске других решений ухода от страданий мы просто воспроизводим тот же механизм до тех пор, пока, вместо того, чтобы жениться, мы не покупаем собаку, которая не возражает. Так и замыкается круг.

Вопрос: Сегодня утром ты сказал, что вера – это признание божественного в настоящем. В третьем пункте ты выделил не только её место в христианской общине, но и инструмент для проверки христианской потребности. Вопрос: каковы характерные признаки современности Христа?

Каррон: Самый явный знак современности Христа, это опыт невозможного соответствия сердцу. В письме, которое мы прочитали этим утром, наша подруга написала: «Я никогда не видела ничего подобного». То, что казалось невозможным случилось прямо у неё на глазах. Если случилось с ней - случится и с нами. Это был явный знак Его присутствия. Как это произошло с Самаритянкой, с Захарией, когда они стали во Христе: при встрече с этим человеком возникало невообразимое и неиспытанное доселе соответствие сердцу. Погрузиться в ответ на потребности сердца, казалось бы нормальной вещью, но, так как ничто не соответствует нам полностью, это потрясающе. Поэтому, когда Самаритянка и Захария встретили того человека, они испытали такое соответствие, которое не могли создать сами, что им оставалось только сказать: «Это Он, это именно Он». И вновь Тайна уступает (!) нашему человеческому опыту. Как ты узнаёшь, что любишь именно его или её? Благодаря этой вспышке соответствия, которую ты находишь, сталкиваясь с ним или с ней. Отец Джуссани говорит, что это опыт Евангелия: они узнали Его, потому что только он спасал все измерения человеческого – только божественное способно на такое. Итак, самый явный и характерный знак современности Христа – то, в реальной жизни, в которой я испытываю казалось невозможное соответствие нуждам моего сердца, я сталкиваюсь с другой потрясающей реальностью именно потому, что она мне соответствует. Это самый бесспорный из всех знаков, потому что мы не можем создать его сами. И это так поразительно, что когда мы сталкиваемся с ней, мы понимаем, что это то, чего мы желали, но, в то же время это очень неожиданно, как говорили апостолы: «Мы никогда не видели ничего подобного, ничего подобного не испытывали. Никогда не встречали – мог бы сказать Матфей – такого взгляда, такой нежности». Надо почитать евангелие, чтобы найти этот опыт в каждом рассказе, каждом переходе, каждом поступке. Слепой от рождения встал в то утро, как всегда со словами «Рождённый слепым никогда не прозреет», и с ним произошло то, что казалось невероятным. Это созвучие (первый знак современности Христа) происходит не в моих мыслях, а в реальной жизни (и это второй знак), в человеческой жизни вне меня. Это ответ на волнующий нас вопрос: «Неужели веру я выдумал?». Попробуй придумай её силой мысли! Слепой не мог её выдумать: он встретился, столкнулся с Тем, кто дал ему зрение, которого был лишён. Это столкновение с чем-то отличным не в мыслях, а в жизни. Попробуйте сами вообразить радость, если вы можете создать её простой силой мысли и тогда вы поймёте насколько глупы утверждения о том, что вера – плод нашего воображения. Помните о том, что вы испытываете, когда вы влюблены. Подумайте, можете ли вы сами себе дать частичку той радости, придумать её, создать с помощью своей гениальности? Вы сами не сможете создать даже секунды той радости! Поэтму давайте прекратим эти игры: мы можем продолжать некоторые вещи только из-за вероломного отношения к опыту, потому что вера происходит только когда мы сталкиваемся с отличной от нас человеческой природой,

не созданной нами. Поэтому Папа говорит: «Вера, это не создание, это узнавание». И эта человеческая реальность уникальна и отлична от других: она состоит из людей, похожих на других, но отличных от всех. Наша подруга, встретив знакомых по университету, сказала: «Они поразили меня, в них было что-то особенное». Те, кого она встретила в университете, не были марсианами, не одевались по-особенному – они были людьми, как и все остальные, но она заметила, что они отличаются от других. И, так как у нас нет детектора, сердце, уловив это отличие, приняло его, учитывая их отношение к ней. Это отличие – невероятные для человека дружба, радость, бескорыстие, настолько невероятные, что возникает вопрос: почему они такие? Ты сталкиваешься с тем же отличием, которое поднимает вопрос двухтысячелетней давности, но поднимает его сейчас не как воспоминание, не как строчки из евангелие – он возникает из-за столкновения тебя сейчас с другой реальностью и ты задаёшь себе тот же вопрос, что апостолы задавали Иисусу: «Но почему ты такой? Как тебе удаётся быть таким?». Сколько раз это спрашивали у нас люди, видя, как мы играли, гуляли, молчали или пели; всё потому что они сталкивались с чем-то в нас, в то время, как мы делали простые человеческие вещи, ведь нам ничего не нужно, чтобы показать наши особенности. Как говорил отец Джуссани : «Нам нужно только есть, пить, жить и умереть, потому что в том как мы едим, как поём, как дружим проявляется это отличие и мы не нуждаемся в дополнительных средствах. Это простые человеческие вещи, но они несут в себе присутствие Другого, и это присутствие не ускользает от внимания того, у кого простое сердце.

Вопрос: Сегодня ты сказал: «Смысл нашей жизни приходит в физически осязаемом человеческом обществе». Но как от признания замечательного общества прийти к тому, что в нём Христос? В одном из писем было: «Обещание есть – это ваши лица». И я спрашиваю себя: если они такие же, как я, то и они не могут восполнить моё стремление к полноте.

Каррон: Послушаем другую формулировку того же вопроса.

Вопрос: Часто в общине я вижу, что центром дружбы становится приятное времяпрепровождение друг с другом, а не желание быть со Христом, но первый вариант надоедает. Как мне и моим друзьям вернуться к первоначальной цели?

Каррон: Начнём с начала. Как от признания замечательного общества прийти к тому, что в нём Христос? Мне кажется то, что мы сказали, ответив на предыдущий вопрос уже помогает нам понять, почему христианская община – знак Его присутствия здесь и сейчас. Потому что вышеупомянутые отличия, распознавание этих отличий в человеческой реальности и пробуждают в нас вопрос: «Почему вы такие? Откуда возникает это отличие?». Это тот же вопрос, который задавали Христу: «Разве это не сын плотника? Почему он делает такие вещи?». Почему, будучи как все, происходят эти вещи? Итак, чтобы ответить на этот вопрос надо смотреть туда, смотреть и смотреть. Отец Джуссани помогает нам в этом: «В нашем опыте есть что-то, что приходит свыше, непредсказуемое,

таинственное, и тем не менее оно в нашем опыте»⁴⁹. Поэтому, анализируя наш опыт, смотря в него, мы открываем нечто реальное, таинственное, что пробуждает в нас вопрос, который бросаем вызов разуму. Мы призваны признать отличия, которые узнаём в течении жизни, иначе мы сократим её. «Вера, это способ познания, выходящий за пределы разума. Почему он за пределами разума? Потому что он улавливает то, что разум не способен уловить: «присутствие Христа среди нас», «Христа здесь и сейчас». Разум не может это это осознать, так, как он осознаёт только то что здесь есть ты, что здесь есть стакан воды. Но я не могу отрицать, что Христос есть. Почему? Потому что есть некий фактор, движущая сила внутри, и она оценивает это общество, некоторые его результаты, отклики, и эта сила потрясает – если я не признаю нечто иное в себе, то я не учитываю опыт, потому что суть в том, чтобы принимать испытываемую реальность, учитывая все составляющие её факторы. Может быть фактор, который эхом отдаётся во мне, чей вкус я чувствую, последствия которого я вижу, но не могу увидеть его самого. Если я говорю «Раз я его не вижу, значит его не существует», я ошибаюсь, потому что (для того чтобы отречься от его существования) я удаляю часть опыта, а это неразумно»⁵⁰. Это один из типов познания – игра в различные возможности жизни. Например, ты видишь некие знаки и результаты отношения твоей мамы к тебе, которые она не проявляет к другим людям. Если ты не признаёшь их, то и не возникает вопроса, почему они есть, что они означают; если кто-то скажет «Это значит, что мама тебя любит», а ты ответишь: «Но я этого не вижу, я вижу только знаки», то ты иррационален. Потому что знаки указывают на нечто другое, и это действительно так, потому что человек, который тебя не любит, не относится к тебе по-особому, не делает некоторые вещи. Ты должен стереть из твоего опыта некоторые моменты, чтобы не признавать, что эти моменты отсылали к чему-то большему, например к материнской любви. Надо быть неразумным, чтобы говорить «Я не вижу, потому что я вижу только знаки». Итак, мы видим знаки некоего качества нашего общества: некая дружба, разнообразие. Но именно в этом разнообразии проявляется Другой. Попробуйте разумно объяснить, что Христа не существует. Иисус спрашивал апостолов «А вы, как вы думаете, кто я?», он бросал вызов их разуму. А что они могли ответить, исходя из своих знаний? Больше всего он походил на пророка, но они тут же сказали: «Он больше, чем просто пророк». И им не удавалось разумно выявить это отличие. И когда Иисус сказал им [вы все на школе общины читали историю португальского короля]⁵¹: «Это я, Тайна, которую вы ждёте», апостолы воскликнули «А!», потому что это объясняло все знаки, которые были очевиднее любого ответа. Но это только очередное приглашение нашему разуму и нашей свободе. Видите ли, чем больше вы будете искать более адекватное объяснение этим знакам и отличиям [не принимая, что эти знаки, придающие разнообразие обществу, являются самым очевидным доказательством того, что Христос существует здесь и сейчас], тем меньше вероятность, что вы его найдёте. Представьте, что всё, что люди могут открыть в нас и всё, что вызывает у них вопрос «Кто же вы такие?» зависит только от того, насколько мы умнее, или лучше других. Попробуйте. Очевидно, что не наши собранные вместе способности поражают других: единственное разумное объяснение

⁴⁹L. Giussani, *Si può vivere così?*, Rizzoli, Milano 2007, p. 271.

50 *См. выше стр. 272.*

51 *Срав. , Л. Джуссани, У истоков христианского притязания стр. 71-73.*

– Христос, благодаря Ему возможны вещи, которые происходят с нами. Благодаря Ему мы можем по-другому дружить, петь, по-другому переживать учёбу, следуя тому отличию, которое Он внёс в историю. И когда мы видим и признаём это, то становится ясно, что есть некое качество в нашей жизни, которое помогает нам распознать Христа. Второй вопрос был: «Иногда мы сводим нашу дружбу к приятному времяпрепровождению, а не к узнаванию Христа». Спрошу вас: когда нам хорошо вместе, есть ли что-то, чего нам не хватает? Каков первый результат нашей радости совместного времяпрепровождения? Ты сам мне сказал: «Это надоедает». Кажется, что это мелочь, но на самом деле это знак, что мы забыли о Нём. Не узнавая Христа нам становится скучно, как это было в отношениях парня и девушки: «Даже тебя мне не хватает». Почему же вам всё надоедает, если Христос всего лишь абстрактное понятие? Если это так, то почему, когда вы исключаете его из жизни и сводите её к «приятному времяпрепровождению», вам становится скучно? Разве вы не говорили, что Иисус абстрактен? Скука – первый признак того, что мы свели к минимуму наше «совместное времяпрепровождение». Первый признак того, что мы исключили Христа из наших отношений к любимому или любимой. Именно поэтому, как есть уникальные признаки Его присутствия, так же есть и бесспорные признаки Его отсутствия. Его присутствие и его отсутствие – не пустые слова: мы сталкиваемся с ними в жизни! Когда мы его узнаём, это не наша выдумка: это узнавание кого-то, кто действительно существует; а когда мы не осознаём его присутствие, это не значит, что его нет. Первый признак устранения Христа – всё надоедает: нам было хорошо вместе, и ужин был неплох, и собрались все, кто хотел, но нам надоело! А если бы тот же самый ужин мог бы быть наполнен Присутствием, то все бы вернулись домой ошарашенными. Если бы его признали! Это вам не абстракция! Ты спрашиваешь меня: «Как вернуться к главному?» Но ты ответь сначала: зачем тебе к нему возвращаться? Если вам чего-то не хватает – возвращайтесь, а если всё в порядке, зачем создавать проблемы? Вы идёте на ощупь в своей скуке. Почему мы должны наживать себе проблемы со Христом и с верой, если мы великолепно живём и без Него? Если мы возвращаемся к Нему, значит без него нам всё надоедает, понимаете? Тот, кого вы называете абстрактным – Христос – настолько реален, что, когда его нет, нам всё надоедает, а когда он с нами, мы так счастливы, что наше желание возрастает. Не достаёт ли нам чего-то когда Его нет? Не остаёт ли чего-то, когда мы довольствуемся совместным времяпрепровождением? Не хватает Его или нет? Вот главный вопрос: не хватает ли его? Поэтому наши грехи касаются не только наших плохих поступков и ошибок: проблема в том, что мы не чувствуем потребность в Христе.

Вопрос: В утренней лекции ты полностью описал меня, особенно последние полгода пока...

Каррон: Этого мне никто не говорил.

- ...Пока ты не процитировал Папу, который отвечал на вопрос: «Является ли наше желание в нас внутри обманом или нет?» Папа ответил: «Бесконечное приняло конечную форму». На этом месте я разозлилась, потому что у меня не было примеров в жизни.

Каррон: Вместо того, чтобы радоваться хорошим новостям мы злимся. Нам делают подарок, а мы злимся.

- И я ещё больше разозлилась, когда ты сказал, что Христос не только обещает, но и исполняет, потому что когда я думаю о себе, то понимаю, что, когда происходят великие вещи, я всё равно грустна, и тогда я спрашиваю: что значит, что Христос исполняет своё обещание и удовлетворяет мои желания?

Каррон: Что значит «удовлетворять»? Очень часто вокруг этого понятия возникает путаница: для нас удовлетворение означает утоление желания, чтобы мы больше не желали. Ведь если бы мы не желали, то и не грустили бы, потому что, как говорил Святой Фома, грусть – это предчувствие недостающего блага. Поэтому я грущу: мне чего-то не хватает. И как тогда мы воображаем себе удовлетворение? Как состояние, в котором нам всего хватает. Это, так сказать высшее проявление удовлетворения, своеобразное «буддистское» (в широком смысле этого слова) определение – исчезновение желания. С другой стороны есть «светское» удовлетворение: я настолько полон, что больше ничего не желаю; но во что бы тогда превратилась жизнь? В бесконечную скуку. Поэтому отец Джуссани говорит очень прекрасные слова об удовлетворении: «Оно не похоже на то насыщение, которое приходит к жаждущему, который выпил и больше не хочет пить (это то, что мы себе представляем: я пью, следовательно больше не жажду), но похоже на то, как жаждущий окунается с головой в родниковую воду и пьёт, и чем больше он пьёт, тем больше жаждет. Пить, значит всё время удовлетворять непрекращающуюся жажду»⁵². Тебе бы понравилось не тосковать по своему парню? Или никогда больше не хотеть пить? Ты этого желаешь? Это было бы смертельно для твоей любви. Если однажды ты поймёшь, что больше не жаждешь видеть своего парня, значит он тебя больше не интересуется. Часто мы представляем себе удовлетворение как исчезновение желания, исчезновение нужды, тоски, грусти. Но это было бы бесчеловечно. Потому что на самом деле ты хочешь ещё больше желать своего парня, ещё чаще с ним видеться, и чтобы его присутствие постоянно утоляло твою жажду, одновременно увеличивая её. Вот чего ты желаешь, а не того, чтобы твоя жажда пропала. Если мы не поймём этого, то так и будет бытовать мнение, что удовлетворение – это исчезновение желания. поэтому отец Джуссани описывает рай как «Постоянное удовлетворение при непрекращающейся жажде». Что было бы, если бы было не так? Бесконечная скука. Представь себе вечность без желаний. Страшно даже подумать. Хорошо, что всё не так, как мы думаем. А вот то, что я стою перед ним и желаю как можно больше стоять – вот это Рай: чем больше я со Христом, тем больше во мне тоски по нему и желания быть с Ним! Его присутствие постоянно пробуждает во мне жажду. Без этого я был бы обречён на бесконечную тоску. Вот что превнёс с собой Христос: он пришёл не чтобы стереть драму, не чтобы ты в какой-то момент перестал нуждаться в отношениях с ним. Он пришёл, чтобы усилить драму. Это как с твоим парнем: с того момента, как ты влюбилась драма усилилась: тебе было спокойнее до влюблённости, правда? Так что, ты предпочла бы не влюбляться? Это бы ты предпочла? Поэтому ты разозлилась сегодня утром? Сейчас, если мы поговорим о парне ты найдёшь примеры из своей жизни, которые

помогут тебе понять то, что не убедило тебя утром: удовлетворение, которого мы на самом деле желаем – прямая противоположность тому, что ты вложила в свою утреннюю реакцию, которую мы можем назвать «интеллектуальной» – результат использования разума отдельно от жизненного опыта, потому что в твоей жизни происходят вещи противоположные тому, что ты говоришь. Вы ошибаетесь, если, для познания вещей, не отталкиваетесь от своего опыта, вы усложняете себе жизнь и от этого начинаете... как ты говорила?

- Злиться

Каррон: Злиться. Вы не должны злиться! Мы злимся на Того, кто пришёл спасти нас: хорошо же мы устроились! Поэтому очень важно, чтобы, как учил отец Джуссани, мы начали говорить о вещах, отталкиваясь от нашего опыта, а не от того, что мы себе представляем или что кажется на первый взгляд логичным (если думать определённым образом), а на самом деле противоположно тому, что говорит наш опыт: реальность становится прозрачнее с опытом, и именно с опытом, а не в мыслях ты постигаешь реальность. Но когда мы отделены от опыта мы начинаем злиться. Христос пришёл усилить драму, а не свести её к нулю. «Новое создание» - это усиление сути и привязанности, а не удаление той и другой, если бы было наоборот, то Иисус не спас бы, а загубил, и удовлетворение превратилось бы в могилу.

Вопрос: Как можно смотреть на себя с нежностью? Когда я грешу, то сначала я говорю себе: «Я не должна отчаиваться», потом «Это мой предел, я не должна беспокоиться», а потом «Я плохо устроена». А когда я осознаю, что Иисус находится здесь и сейчас, то мне остаётся только сказать «Ты очень добр со мной, но я продолжаю грешить», и я всё время на начальной точке...

Каррон: Это как если бы говорила Иисусу: «Ты очень добр ко мне, но не совсем заботлив, ты не достаточно хорошо меня понимаешь, потому что я плохо устроена». Как будто в ваши отношения закралась ошибка.

- Дело в том, что я спрашиваю себя...

Каррон: Итак, Иисус добрый, но не заботливый.

- Нет, но... ну, отчасти да, потому что я спрашиваю себя: почему ты выбрал меня? Какие у тебя на меня планы? Почему я не двигаюсь с места, продолжаю грешить, и потому переспрашиваю: как можно любить себя, как сделать так, чтобы путь не стал беспокойством о совершенстве, а интуиция стала осязаемой?

Каррон: Спасибо за этот вопрос, потому что он поможет нам понять некоторые решающие вещи. Как мы уже сказали, мы понимаем удовлетворение, как исчезновение желаний, а счастливое существование как беспредельное бытие; поэтому, когда Иисус не

убирает сразу все наши пределы, мы в ступоре: приходит мысль, что он, конечно, добр и милосерден, но не понимает, что мы «плохо устроены». Мы думаем, что быть христианином значит больше не грешить и не ошибаться. Конечно, Христос хочет этого добиться, но в пути, согласно плану, который не похож на наш план. Поэтому Христос не волновался и не удивлялся, когда Пётр (я привожу этот пример, чтобы помочь тебе) не понимал или ошибался. Он мог его в асфальт закатать и послать куда подальше. Как можно выбрать людей, которые не понимают и продолжают ошибаться? Иисус был немного неподготовлен и потому выбрал таких несчастных, как Пётр или же его план действий отличался от того, что воображаем мы? Он выбрал тебя, полную ограничений, как выбрал меня, столь же полного ими – это не означает, что мы плохо устроены, - потому что он хочет привести нас к другому жизненному опыту. Каков первый признак того, что для него наши ошибки не играют решающей, как ты думаешь, роли? Он продолжает дарить жизнь. Это может быть для тебя первым доказательством того, что Он привязан к тебе вне зависимости от тяжести твоих грехов.

Как он поступает с Петром: он не говорит ему, что тот поступил хорошо – нет, он поправляет его, орёт, ругает на чём свет стоит, но продолжает быть его другом. Таким образом он создаёт с ним отношения, и Пётр потихоньку заменяет его. Давайте прочитаем как отец Джуссани описывает диалог с Петром после того, как последний совершил большую ошибку: он отрёкся от Учителя перед всеми. Христос встречает его после Воскресения на берегу озера. В то время апостолы рыбачили и увидели кого-то на берегу. Иоанн сказал: «Это Господь». Пётр мог подумать «Нет! Сейчас я спрячу, как будто меня нет». Но он так не подумал: он тут же бросился в море, чтобы приплыть к берегу первым. Потом приплыли остальные. Представь, что думал Симон: «Симон, чьи многочисленные ошибки сделали его ничтожнее всех, даже он стоит рядом с едой, приготовленной Учителем, со страхом и трепетом смотрит на ближнего и видит, что это Иисус. Тогда он в смущении отводит взгляд, но Иисус говорит с ним. Пётр думает: «Боже мой, сколько упрёков я заслужил! Сейчас он спросит: Почему ты предал меня?»».

Предательство стало последней и самой большой ошибкой Петра, но его жизнь и дружеское отношение с Учителем страдало от его беспокойного характера, его инстинктивной внушительности, из-за его привычки выходить вперёд не подумав. Он видел себя в свете своих недостатков (совсем как ты, ошибившись, перебираешь все ошибки своей жизни). Это предательство пробудило в нём память о других ошибках, о том, что он ничего не стоит, о том, насколько он слаб, слаб до жалости (как и мы с тобой). «Симон...» - кто знает как он вздрогнул, когда это слово коснулось его ушей и проникло прямо в сердце, - «Симон... любишь ли ты меня?». Кто мог ожидать такого вопроса? Кто мог ожидать такого слова? «Симон, любишь ли ты меня?» «Да, Господи, люблю Тебя». Как он мог сказать такое после всего, что он сделал? Это «да» было подтверждением того, что он узнал высшую степень совершенства, бесспорное совершенство любви, которое переворачивало вверх дном всё остальное. Всё читалось в том взгляде, последовательность и непоследовательность как будто отошли на второй план, за преданность плоти от плоти его, за форму жизни, что создала та встреча. «Да, я люблю Тебя». Что хочет сказать Симон, говоря эти слова? Послушайте, как это объясняет отец Джуссани: «Для тебя всё моё человеческое почтение, всё почтение души и сердца (всё для тебя, Христос). Ты –

главная цель жизни, высшее совершенство вещей. Я не знаю, не знаю как сказать и не знаю как это, но, не смотря на всё, что я сделал, не смотря на всё, что я могу ещё сделать, люблю Тебя»⁵³. То есть вся моя человеческая любовь для тебя, Христос. Единственный вопрос: преобладает ли это моё отношение и для тебя ли о Христос любовь, которая заключена даже в моих ошибках? Если это так, если в нашей жизни это преобладает, то, не смотря на все наши ограничения, путь наш будет полон нежности и милосердия; путь, в котором привязанность ко Христу перечёркивает все наши ошибки и грехи, и каждая частичка души льнёт к Иисусу. Тогда ты поймёшь, что ты хорошо устроена, но, чтобы достичь удовлетворения, тебе надо пройти долгий путь, в течение которого Иисуса не пугают твои ошибки. Если ты хочешь, чтобы к тебе относились так же хорошо, как и к Петру, тогда поставь на первое место человеческую любовь к нему.

Вопрос: Я сравниваю историю девушки, которая поняла, что парень принадлежит не ей, а Другому со своим опытом и не понимаю свою роль: в тот момент, когда ты понимаешь, что твой парень или друг не твой, кем ты становишься для него?

Каррон: Молодец. Видишь? Или мы для другого всё, и потому вместе готовимся к катастрофе, или в день осознания, что мы не принадлежим друг другу полностью, потому что судьба Другого величественнее, и не знаем какова наша роль в этих отношениях. Когда я спрашивал помолвленных : «Неужели ты думаешь, что сделаешь её счастливой?», они отвечали: «А зачем тогда жениться?». Я отвечал: «Хороший вопрос, чем раньше ты на него ответишь, тем лучше!». Какова наша роль? Мы не дополнение одного к другому, мы вместе идём к одной цели: ко Христу. Ты должна полностью пробудить в другом желание бесконечности, желание Христа, а он должен пробудить то же желание в тебе. Тогда ты желаешь добра ему, потому что именно его Тайна дала тебе, чтобы пробудить в тебе желание и тоску по Христу, и наоборот: ты дана ему для того же. Это очень важная роль. Ты та, что отсылает его за пределы, та, что пробуждает в нём жажду бесконечности, но, в то же время, ты не можешь дополнить его, и от осознания этого у тебя должны наворачиваться слёзы. Но встретив Христа мы понимаем, почему он сделал так, чтобы мы встретились друг с другом: чтобы каждый из нас помогал другому идти к Единственному, кто удовлетворит и заполнит, идти ко Христу. Вот в чём заключается наша роль: стать попутчиком по пути к высшей цели. Осознание этого решило бы все ваши ссоры, потому что нет ничего другого, что полностью заполняет нашу жизнь: наше желание слишком большое, чтобы его утолил наш спутник. Поэтому осознать вашу роль очень важно, чтобы понять, почему вы женитесь, почему Тайна дала вам именно этого попутчика, с которым вы пойдёте к высшей цели.

СИНТЕЗ. Хулиан Каррон

9 декабря, утро

Хулиан Каррон: «Когда я хожу под небесами, то поражаюсь, что Иисус пришёл умереть за такой несчастный голодный народ, такой как я, такой как ты»⁵⁴. «Бог – всегда начало». – сказал Папа на Синоде. «Только следование за Ним делает возможным наш путь [путь]. Подлинная инициатива, подлинное движение исходят только от Бога, и только включившись в эту божественную инициативу, только прося об это божественной инициативе, мы тоже можем стать - с Ним и в Нём – благовестниками [новыми творениями]. Бог – всегда начало »⁵⁵. И только тот, кто свободно позволяет Богу обнять себя, ставшему близким во Христе, может ответить на те вызовы, которые бросает нам жизнь. Сейчас мы вместе посмотрим на этот путь, чтобы постараться включиться в инициативу Бога.

В послании после Синода я вспомнил фразу отца Джуссани, как раз по поводу этой божественной инициативы: «Движение родилось с определенного присутствия, которое представало перед человеком как несомненный факт и вносило в жизнь обещание, призывающее к следованию». Это присутствие, предстающее перед человеком, всегда будет началом, как свидетельствуете об этом вы сами: «В последнее время я понял, что живу так, как совсем недавно, не мог себе и представить. Как только я поступил в университет, я познакомился с ребятами из университетской общины и сразу к ним привязался. Меня поражало то, как они встречаются, как хотят учиться, как они активны в университете. И, в конце концов, мне захотелось быть такими как они! Я понял, что дело не в способности жить и действовать так, я не выучил урок, а просто следовал за ними, я начал хотеть не меньше чем то, чего я действительно хотел и осознавать, когда это было не так [присутствие, которое предстает перед нами, пробуждает наше желание, в обещании]». Одна из вас пишет: «Некоторые события, которые происходят со мной каждый день, несут в себе то же содержание, что и первая встреча с Движением «несут в жизнь вызов обещания, которое призывает следовать», как ты писал в письме. Они обещают жизнь, истинную жизнь. Именно ради этой совместной жизни, я хочу следовать за этими людьми». Это то же, что произошло в эти дни, как говорил вчера Ник во время ужина, и что многих из вас заставило следовать за этим опытом.

Ник: Меня поразило вчерашнее собрание, и после него я снова осознал, почему я в движении, почему я здесь и почему хочу быть здесь. Пока ты говорил и, отвечая на вопросы, рассказывал, как Иисус бросал вызов свободе своих апостолов и людей, которых они встречали, я подумал: вот, сейчас, в этот момент мы видим то же, то есть такую же ситуацию. И оглядываясь назад, я не могу отрицать, как и многие из вас, что видел этот взгляд, открывающий человеку самого себя, мы видели его, что это невозможное соответствие стало моим опытом, я видел тот же вызов Иисуса апостолам, я встретил того, кто любит мою свободу больше, чем мое формальное присоединение. Я увидел это, мы увидели это. Поэтому я вышел с собрания, больше чем когда-либо исполненный невероятной благодарности за эту историю. Передо мной был очевидный факт: всё, что ты говоришь – правда. Правда, что годы истории, отделяющие нас от апостолов, исчезают, потому что это происходит снова. И человек знает, когда это происходит.

54 «I Wonder», Песенник стр. 283.

55 Бенедикт XVI, Размышления во время первой Генеральной Конгрегации 13ой генерального рядового собрания Синода Епископов, 8 октября 2012.

Каррон: Он знает, потому что чувствует соответствие и никто не должен нам это объяснять. Это «факт жизни», как говорил отец Джуссани, факт, происходящий с нами сегодня. И именно потому, что он жизненный, мы не можем оставаться равнодушными. Вот, что пишет один из вас: «За это время со мной произошло много вещей, от прекрасных и понятных до очень сложных и не таких понятных. Но при этом, я осознал, что не могу оставаться равнодушным к полноте жизни, которая рождается в повседневной работе, во всём, что происходит, и источником этой полноты является крик моего сердца. Все яснее, что этот крик находит удовлетворение в каждом мгновении отношений со Христом и выражается в следовании движению». Очень важно осознать это. Как настоящий друг отец Джуссани предупреждает нас об опасности, потому что, находясь перед источником (присутствием, которое предстает перед нами, пробуждает наше желание, призывающее к следованию, настолько, что человек, пожелавший этой полноты, не может оставаться равнодушным), мы рискуем изменить метод. «Но потом – говорит отец Джуссани – мы вверили его нашей жизни, так что это начало перестало быть истиной, предлагавшейся каждому из нас как личности, и превратилось в основу для объединения, ассоциации – того, что можно переложить ответственность за собственную работу, претендуя на разрешения проблем. Принятие вызова и живое следование уступили место послушанию организации»⁵⁶. Одна из вас пишет, что это искушение подстергает нас повсюду: «Прочитав письмо, которое ты написал в газету *Repubblica*, я поняла, что должна заново оценить весь тот опыт, который я приобрела за эти годы в университетской общине. Было очень больно признать, что часто я сводила наши встречи к совместным инициативам, пусть даже и были они хороши, в них не было меня [мы перекладываем ответственность на организацию, от которой ждём решения: «В них не было меня!]. Мне пришлось признать, что я боялась своей свободы и своего желания, а потому часто довольствовалась суждениями других. Когда я поняла это, я очень разозлилась, а потом мне стало больно. Я смогла смогла заглянуть в суть моего зла и не сорваться только потому, что признала, что, несмотря на всё это, я существую и я желанна. И это суждение принесло немислимую свободу и, как следствие, возможность и желание всё пересмотреть, пытаюсь понять себя, стараясь освободиться от пут своих планов. Это интересная, хотя и сложная работа над собой, в процессе которой я постепенно заново обретаю и узнаю себя [вы хотите этого? Если нет, то следует искать другую организацию, их в мире много, в которую можно вступить, заплатив взнос]. Всё это было бы для меня невозможно, если бы я не следовала за движением, за тобой и всеми теми, кого Бог мне дал для следования в повседневной жизни». У нас всегда есть искушение всё свести к механизму, как пишет один из вас. Всё это свидетельства о том, как мы можем остановиться, едва начав следование. Это не значит что, с нами ничего не произошло, иначе нас не было бы здесь, мы не говорили бы и не слушали, однако искушение свести все к механизму остается. Оно проявляется в «да, но потом...», именно это «да, но потом» изменяет способ, и важно ясно все понимать, чтобы не потерять свежесть и очарование начала. «В сентябре я начала учиться в другом университете. После столкновения с другой реальностью и разными трудностями во мне поселился страх того, что я не справлюсь. Я не могу объяснить как, но во мне словно

запустился механизм выживания: «Я должна сосредоточиться на себе, постараться самоорганизоваться». Однако я чувствовала себя всё более одинокой. В тот момент, когда я решила делать всё сама, я потеряла себя, потому что потеряла истину о себе». Иногда человек начинает думать, что он справится сам: я уже понял, у меня есть навыки, я не должен за чем-то следовать, я способен управлять сам собой, тогда «я теряю истину о себе». «Потом, встреча с одной подругой дала мне ещё раз понять, что Христос склонялся ко мне и звал по имени, не оставляя меня наедине с несостоятельностью и болью. В тот день, после долгих лет, проведённых в движении, я действительно поняла, что такое движение». Движение – это не ассоциация, не организация, не клуб. Движение – это Церковь, то место, где Христос присутствует чтобы продолжать спасать нас. И если мы не понимаем этого, то у нас нет разумной причины, чтобы здесь находиться. Мы сразу (сразу!) видим, что происходит, когда нам кажется, что мы справимся сами, как будто движение нужно только подросткам, которые, повзрослев, могут обойтись без него. Движение необходимо, но только для определенного периода жизни. Такой представляли себе Церковь рационалисты: она внесла вклад в воспитание человечества, которое, достигнув взрослой жизни, должно от нее отказаться. Сегодня мы видим к чему это привело. Итак искушение, которое всегда нас подстерегает, - это попытка самоуправления. Почему это я должен от кого-то зависеть? Мы настолько ничтожны, что нуждаемся в ком-то, чтобы быть сами собой, мы нуждаемся в том, чтобы кому-то принадлежать, чтобы не потерять самих себя. Мы зависимы. «Здесь меня часто зовут по имени. Тогда становится понятна настоящая суть следования – это не рабство, оно ничего не отнимает, это не наш залог в организацию, а это, как говорит отец Джуссани, живое следование, которое раз за разом возвращает мне меня и мою жизнь. Поэтому моё единственное желание сегодня – верность в следовании».

Отец Джуссани (как благодать для нас в его лице!) помогает понять истинное значение следования. Действительно, многие, в том числе и те, кто сводит движение к организации и механизму, могут использовать глагол «следовать», говоря: «я следую...», в то время как они делают то, от чего отец Джуссани нас предостерегает: «Но потом мы доверили развитие этого начала дискуссиям и инициативам [...], делам». Даже если бы они сказали: «Мы следуем», - отец Джуссани ответил бы «Нет, вы не следуете». Почему он будет прав? Он прав, не потому, что это говорит он, иначе мы относились бы к нему как к гуру, а потому что это упрощённое следование не соответствует потребностям сердца, мы видим, как что-то прерывается в нас, что мы теряемся на полпути. И на своем личном опыте мы убеждаемся в правоте отца Джуссани.

Итак, после этих дней мы должны уехать с лучшим осознанием того, значит следовать. Я уже говорил об этом в послании после Синода: «Следование – это желание пережить самому *опыт* человека, который однажды стал для тебя вызовом и остается таковым благодаря присутствию в жизни общины, это желание быть причастным жизни того человека, который несет в себе нечто Иное; и Иной, которому ты предан, является предметом твоих стремлений, твоим ориентиром в пути»⁵⁷. Отец Джуссани оставил нам это определение «следования», чтобы мы могли сравнить его с тем, что мы проживаем каждый день. Ведь мы можем назвать следованием то, что им не является, то, что умаляет его. Мы

⁵⁷См. выше, стр. 64

часто думаем, что следуем, потому что повторяем правильные слова, то, что выучили; но при сопоставлении мы сразу увидим разницу. Отец Джуссани говорит, что следовать – это не повторять то, что уже знаешь, это заново переживать опыт поразившего тебя человека. Здесь идёт речь о переживании опыта, а не о повторении слов, пусть даже и верных. Это разные вещи! Следование – это не только участие в каких-то начинаниях, но именно переживание опыта того, кто поразил тебя. Следование – это не сентиментальная и личная привязанность одного к другому, к очередному главе общины, ты можешь привязаться к человеку, но не разделить его опыт. Следование – это переживание опыта человека, который вдохновил тебя, это то, что человек желает с самого начала. Он встречает что-то и говорит: «Я захотел быть как они, участвовать в этом опыте». Джуссани дает голос желанию человека, он сильнее всех нас привязан к тому, что случается с каждым, он честен со всем, что возникает внутри нас, он не отрывается от реальности. Что значит участвовать в опыте другого человека? Что значит опыт другого человека в его целостности? Послушайте, как отвечает отец Джуссани: «Это желание участвовать в жизни этого человека, в котором ты находишь черты Другого»⁵⁸. Если мы не достигаем этого Другого, если остаёмся привязаны к человеку, не следуя при этом за ним за Другим, мы не переживаем опыт поразившего нас человека. Ведь он поразил нас не потому, что он непременно гений, не потому что он пронизателен или смел, а из-за Другого, потому что несёт Другого в нашу жизнь. Именно Он поражает в нас других, Другой, которого мы несем в хрупкости наших лиц. И если мы не войдём в отношения с ним, то не переживаем тот же опыт и не следуем за другим. Джуссани говорил о себе: «Ко мне могут быть привязаны сотни сотен людей [он говорил об этом сам!], а между ними ничего не происходит»⁵⁹, потому что они не переживают своего собственного опыта, потому что по-настоящему объединяет то, что каждый из нас извлекает из опыта, то есть от того, что проделывает свой собственный опыт. Отец Джуссани не довольствовался большим количеством привязанных к нему людей, потому что этого недостаточно. Иисуса не довольствовался тем, что люди привязывались к Нему: он умножает хлеба, все льнут к нему и даже хотят сделать его царем, но он ускользает от них. «Речь не об этом». И бросает им вызов: «Если вы не поймёте, что должны есть плоть Мою и пить кровь Мою, то не можете иметь жизнь в себе». А когда Он приглашает их пережить тот свой собственный опыт, они злятся и уходят. Казалось, что они хотели следовать за Ним, они были привязаны к Его личности (хотели сделать царем!), но они не были открыты для Его опыта и потому покинули Его.

Всё Евангелие можно прочитать в следующем ключе: «Пётр, что говорит народ, кто Я?». «Ты? Мессия» «Молодец, Пётр». Пётр привязан к Иисусу, но тот продолжает: «Сейчас мы пойдём в Иерусалим, потому что я должен умереть» «Нет, пожалуйста, нет!». Пётр привязан к Иисусу, но он не хочет пережить тот же опыт и потому он вводит свою меру вещей: «Нет, нет, нет, ни за что!» Однако Иисус не сдаётся: «Тогда отойди от меня, Сатана, потому что думаешь как человек, а не как Бог». То есть Пётр не хочет пережить Божественный опыт, который переживает Иисус! Понимаете разницу между тем, как понимает следование Петр и Иисус? Иисус постоянно обескураживает их, как мы видели

это, читая книгу школы общины. В Гефсиманском саду, за ним приходит стража, и Пётр, не поняв Его предыдущего упрёка, достаёт меч и отсекает ухо римскому солдату. «Пётр, неужели ты не понимаешь? Неужели ты настолько глуп, что понимаешь, что у моего Отца легионы ангелов? Или думаешь, что Он заснул или отвлёкся? Ты не понимаешь, что сейчас всё происходит по воле Его, и я подчиняюсь Ему? И если ты хочешь быть со Мной, если ты хочешь пережить тот же опыт, то и ты должен стать частью замысла Другого, потому что, если не станешь, то когда дела пойдут так, как тебе бы не хотелось, ты станешь жертвой. Но я хочу ввести тебя в отношения с Отцом Моим, что на небесах, показать тебе победу, которая и есть твоя собственная связь с Отцом: когда ты увидишь эту победу во мне, то сможешь понять, что эта связь сильнее смерти, сильнее любого поражения. Я хочу, чтобы ты понял, что суть именно в этой связи, которая Тайна устанавливает с Собой. Следовать значить следовать за Мной до конца, потому что именно эта связь даёт жизни такую состоятельность, что может произойти что угодно, а ты будешь существовать. Эта связь сильнее зла, сильнее любых ран и поражений, любых обстоятельств. Тебе это интересно или нет? Потому что если нет, то мы уже проиграли битву».

Вы понимаете, как страстно Иисус любит нашу жизнь? Теперь я понимаю, почему, встретив подобного человека, хочется следовать за ним и пережить его опыт: «Перечитывая твоё выступление на Дне начала года, я обратила особенное внимание на следующие слова: «Напротив, борьба – это вся наша жизнь. Борьба за то, чтобы я всегда помнил о Христе! Это обещает наша дружба: помощь в развитии, в продвижении и пути с этой памятью» в любой борьбе. В начале этого года, который тяжело начался и по-прежнему труден для меня, я больше, чем раньше осознала в себе потребность в человеке, за которым я бы следовала, с которым бы я по-настоящему могла сопоставлять себя. В первый учебный день я иду на мессу и встречаю лучшего друга, который тут же приглашает меня на обед. Быстро завязывается диалог, прерванный нашей удрученно подругой, которая рассказала о трудностях на работе и в жизни. Пока она их перечисляла, мой друг спросил: «Скажи, среди всего этого была ли хотя бы секунда, которую ты прожила свободно?» Этот простой вопрос полностью поменял направление разговора, который вышел на новый уровень. «Находишь ли ты во всём, что происходит вокруг тебя то, что делает тебя свободной, что помогает тебе не сдаваться даже когда кажется, что всё против тебя?» Этот вопрос стал одним из вызовов, возникших из отношений с этим другом, и я поняла, что желаю быть такой же свободной и радостной как он, и потому я решила следовать за ним. Следуя, я обнаружила, что он такой, потому что, в свою очередь, следует за движением, всегда стремясь к первопричине. И делая это, он побуждает и меня к этому признанию. Каждый раз, когда я рассказываю ему что-то, от него невозможно ничего утаить, он побуждает дойти до причин всего. И пробудило во мне вопросов. Кто же Ты такой, столь сильно притягивающий людей, что они становятся такими свободными? [Человек перед тобой является отсылкой к Другому; но кто же Ты, Христос, настолько притягивающий к себе человека, что последний становится таким свободным? Вот почему какой-то человек поражает тебя]. Тогда я начала просить его: «Сделай так, чтобы я тоже узнала Тебя, сделай меня похожей на моего друга». И тогда во мне начало расти желание быть в сознательных и уверенных отношениях с этим присутствием, о которых мой друг помнил всегда. Я пожелала повторить его опыт, который порой казался мне далёким и

абстрактным, из-за нехватки самосознания и ещё не проделанной работы над собой. Я больше не возмущена этим, как раньше, но, прежде всего, я благодарна этой встрече. Я прошу тебя помочь мне на этом пути к признанию и следованию».

Почему решающим фактом является достижение Другого? Потому что только если кто-то приводит тебя к Нему, ты приходишь к тому, к чему стремишься, чего так ждал. Отец Джуссани говорил: «Именно Другому ты предан, к нему стремишься, к нему хочешь присоединиться на этом пути»⁶⁰. Если мы не дойдем до Него, то не найдём то, что ждёт наше сердце. Поэтому Иисус ничего не довольствовался: «Послушайте, если не будете есть плоть Мою и пить кровь Мою, то не сможете обрести жизнь. Если Я не приведу вас к источнику Моей жизни, вы не сможете стать истинно верующими, вас не захватит этот опыт соответствия и вы не сможете прожить этот опыт, к которому стремится каждый». Один друг рассказал мне как-то, что ступив на путь Его опыта, он удивился, услышав хорошо известную ему песню: «Душа моя жаждет живого Бога: когда я увижу лик Его?» и почувствовал томление и желание увидеть Его лик. Идя по этому пути и не загоняя следование в наши рамки, в определенный момент мы поймаем сами себя на желании, которое год назад мы и представить себе не могли (как например этот друг). Не то, чтобы он никогда не слышал эту песню, но только следуя за Ним, он открыл для себя истинную ценность этих слов. Если мы не идём по дороге, мы теряем лучшее. Но зато когда идём, вещи начинают разговаривать с нами, всё больше наполняясь той мощью и теплом, что преображают жизнь. Не потому, что случилось что-то сверхъестественное, нет – та песню, которую я уже слышал тысячу раз в какой-то момент обретает вес, тепло и невиданную доселе энергию; то же самое с лицом друга, с совместной трапезой, с игрой в мяч. Чтобы испытать новизну, обещанную Христом, мы не нуждаемся в чём-то большем, чем еда, питьё, совместный досуг, учёба.

Льюис пишет: «Что мне нравится в этом опыте [опыте соответствия, который я сейчас переживаю], так это то, что это справедливо. Вы можете много раз свернуть не туда, но если ваши глаза будут всегда открыты, то вам не дадут потеряться, прежде, чем вы увидите нужный указатель. Вы можете обманывать самих себя годами, но опыт не пытается обмануть вас. Вселенная отвечает истинно, когда вы честно спрашиваете её»⁶¹. Истинный вопрос заключается в том, хотим ли мы следовать, готовы ли мы следовать за предложенным нам учителем? Отец Джуссани предлагает то же, что мы видим в Евангелие, в отношениях Иисуса и апостолов: он никогда не отступал от того типа следования, который предполагает следование замыслу Другого. Иисус лучше всех апостолов, знал, из чего состоит человеческое сердце: Он создал его, создал для бесконечности и знал, что если бы они не достигли Другого, то не были бы им захвачены. Многие могут предложить вам другие виды следования. Если вы можете обойтись меньшим, чем то, что мы описали, действуйте, но вы никогда не найдете ничего подобного, потому что ни вы, ни мы, ни они не решают, что нам соответствует. Опыт никогда не обманывает. Дело не во мнении, объединениях или толкованиях, как считают многие, нет, все дело в соответствии. И вам решать, хотите ли вы расти, дорасти до следования соответствию, или вы хотите слушать мнения, которые витают тут и там. Наступило время

60 Л. Джуссани, *Il Rischio educativo. Come creazione di personalita' e di storia*. Sei, 1995, 64.

61 К. Льюис, *Удивлённый от радости. Первые годы моей жизни*, JacaBook, Милан 1980, р. 131.

личности, и у каждого из вас есть детектор, позволяющий понять, истинно или ложно то, что вам предлагается: этот детектор зовётся «соответствие».

Только следуя, мы сможем внести свой вклад в то, что Папа просит от нас для следующего Всемирного Дня Молодёжи: «Дорогие друзья, никогда не забывайте, что самое великое проявление нашей любви к ближнему – это разделение с ним источника нашей надежды: кто не даёт Бога, даёт слишком мало!»⁶². Мы можем предложить нашим университетским друзьям, нашим знакомым ту благодать, которая на нас снизошла. Снизошла на нас ради мира, ради миссии, ради возможности разделить со всеми то, что было нам дано. Мы видели это: после того, как кто-то сказал «да», многие из вас, о чем свидетельствовали ваши письма, приехав в университет, смогли встретить то явление жизни, которое пробудило в них надежду. Чего-то иного было бы недостаточно. Мы должны вести людей ко встрече с живым Богом: «Будьте сердцем и руками Иисуса, – говорит Папа, – идите и свидетельствуйте о Его любви, будьте новыми миссионерами, воодушевлённые любовью и встречей!»⁶³. Будьте сердцем и руками Иисуса. Но, как мы сказали в письме после Синода, чтобы «предложить нашим братьям факт, касающийся жизни, необходимо, чтобы в каждом из нас созревало осознание нашей изначальной зависимости, позволившее возрождаться в самой кромешной тьме. Событие Христа должно охватывать нас так сильно, чтобы память о Нем наполняла наши дни. Я никогда настолько не являюсь самим собой, как когда Ты, Христос,ходишь в мою жизнь и охватываешь меня Своим присутствием»⁶⁴. Одна из наших подруг пишет: «Нас немного в университетской общине [она живёт в маленьком городке], но я поняла, что когда ты говоришь, что «настало время личности», вопрос о том, делать шаг или нет, действительно становится личным выбором. Я попробую объяснить. Ты писал в письме к Братству: «Наш вклад может лишь влиться в ту струю, которую Бог задал через Своего Духа». И действительно именно так и происходит. Я расскажу две небольшие истории. Однажды во время одной из школ общины в комнату зашёл парень и спросил: «Это «Общение и Освобождение»? И одна из нас (а нас было мало) ответила: «Да это оно». «Можно у вас тут посидеть?» [факт жизни велик не своей масштабностью, но тем, что выделяется среди других]. Я обрела уверенность, что я должна беспокоиться только о том, чтобы следовать за Тем, кто обнимает мою жизнь, позволяя мне в любой момент возвращаться к сути. Но кто так внимателен к моей жизни, так милосерден, чтобы снова и снова открывать меня для встречи с этими таинственными отношениями, которые меня возрождают? Только тот, кто следует, потому что это меняет историю». «То, что может поменять историю, – пишет другой, – это не то, что тебе удалось сделать – это просто начало изменения некоего «я». Мне часто приходит на ум ответ Иисуса на вопрос: «Что же мы должны делать, чтобы исполнить заповеди Божьи?» Иисус отвечает: «Вот заповедь Божья: верить в того, кого Он послал».

Наш вклад в этот мир и подарок нашим друзьям – это вера, признание Христа, который принимает нас и потому Его присутствие светится в наших глазах. Это то, что говорит Папа (на этом мы закончим нашу встречу): «Таковы новые проповедники

62 Бенедикт XVI, Послание на 28 Всемирный День Молодежи 2013, Ватикан, 18 октября 2012, 5.

63 См. выше 8.

64 Х. Каррон, Письмо Братству Общения и Освобождения, 1 ноября 2012.

Евангелия [новые свидетели]: люди, пережившие опыт исцеления от Бога через Иисуса Христа. Их отличительная черта – радость сердца»⁶⁵. Кажется, что это очень неприметный знак, но всё в нём – в радости сердца, написанной на наших лицах.